

**Ирина Владимировна Щеглова
Светлана Ольшевская
Елена Арсеньевна Арсеньева
Большая книга ужасов 2016
Серия «Большая книга ужасов»**

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12211014
Большая книга ужасов 2016 : [повести] / Елена Арсеньева, Елена Артамонова, Светлана
Ольшевская, Ирина Щеглова. : Эксмо; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-83995-7

Аннотация

Елена Арсеньева «Демоны зимней ночи»

Не каждому удается запомнить свою смерть – а вот Валюшка запомнила. Девочка погибла, получив по голове сосулькой и замерзнув в сугробе... а потом очутилась в прекрасном дворце. Стены его были выложены плитами из разноцветного льда и украшены скульптурами животных, с потолка свисали хрустальные нити, издающие чудесный перезвон... И Валюшку тут ждали как почетного гостя. Девочка попыталась понять, что происходит. Ведь мертвой она себя не чувствовала, а волшебное место, в котором она вдруг оказалась, чем дальше, тем меньше походило на сказочный дворец...

Светлана Ольшевская «Черное сердечко»

Так уж сложилось: я не привыкла считать себя красавицей. И отношения с молодыми людьми меня интересовали не сильно. Так что сердечко у гадалки я взяла просто за компанию. Эта странная цыганка уже предсказала будущее Наташе и Нике – и так, словно действительно знала, что лежит у моих подруг на сердце. Но, увидев черное сердечко, которое я вытащила из ее коробки, гадалка рассказывать мне о суженом отказалась. Явно испугавшись чего-то, она подобрала юбки – и исчезла в толпе. А буквально через пару дней я познакомилась с Вадимом. И сразу поняла: вот он, принц, которого я ждала...

Ирина Щеглова «Ловцы теней»

Маша Потемкина почти привыкла к тому, что является проводником мертвых. Что каждую ночь ей снятся неприкаянные, потерявшие души – и она должна отвести их к Границе, помочь им найти правильный путь и защитить от опасностей Междумирья. Но вот силы, у которых девушка не раз и не два отнимала добычу, открыли на нее охоту. Сны Маши становятся кошмарами и все настойчивей вторгаются в реальность. Кажется, она теряет память и теряет собственную личность... Верная подруга Ольга предлагает Маше рискованный план. Но ведь Ольга – обычный человек, чем она сможет помочь ей, да и имеет ли Маша право втягивать ее в свои неприятности?!

Содержание

Елена Арсеньева	5
Конец ознакомительного фрагмента.	49

**Елена Арсеньева, Светлана
Ольшевская, Ирина Щеглова
Большая книга ужасов 2016 (сборник)**

© Арсеньева Е., 2016

© Ольшевская С., 2016

© Щеглова И., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Елена Арсеньева Демоны зимней ночи

Валюшка и не подозревала, что умерла, пока ей не открыл глаза доктор Потапов. «Открыл», конечно, в переносном смысле. В буквальном они и так были открыты – голубые оледенелые Валюшкины глаза...

Доктор сказал:

– Вот же невезуха! Первый день из отпуска – и сразу такая находка... Бедная девочка.

И почти сразу Валюшка увидела его, доктора Потапова. Конечно, фамилию его она тогда еще не знала. И, поскольку глаза ее застыли и покрылись тоненькой ледяной корочкой, доктор представился Валюшке этаким странноватым, выпукло-вогнутым существом.

Существо это сначала дрожало, вибрировало, меняло очертания, но постепенно Валюшка приспособилась к причудам своего зрения и разглядела, что доктор уже немолодой: седоголовый, седоусый. А лицо у него очень печальное.

Интересно, почему?

В эту минуту доктор сказал:

– Ну и зачем вы меня, товарищ начальник полиции, вызвали? Сразу в морг ее надо было везти. К сожалению, Сан Саныч, перед нами в снегу лежит труп, с одного взгляда ясно.

Валюшка очень удивилась.

Как известно, труп – это мертвое тело. Однако никаким трупом, никаким мертвым телом Валюшка себя совершенно не ощущала. Она все это время – а сколько времени-то прошло, интересно, с тех пор, как на нее обрушился снежный ком с крыши?! – была уверена, что просто сильно ушиблась.

Удар по голове оказался настолько чувствительным, что Валюшка даже удивилась, что не потеряла сознания. Но, наверное, сотрясение мозга она все же получила, потому и не могла ни рукой ни ногой шевельнуть, ни толком решить, что же теперь делать. Валюшка знала, что она лежит в сугробе, заваленная снегом, однако снег этот не мешал ей дышать, а главное – ей совершенно не было холодно. Голова, правда, немножко кружилась, и было такое ощущение, что она лежит на надувном матрасе, который покачивают легкие волны.

Однажды их детдомовскую группу возили на Горьковское море. Ну вот там и удалось Валюшке покачаться на волнах. Как же это было здорово! Сверху солнце жарит, снизу прохладой водной веет, а легкие волны нежат тебя и качают словно бы с любовью...

Можно закрыть глаза и представить, что лежишь на руках у мамы, которую никогда не видела.

Или у папы, которого ты тоже не видела никогда...

Валюшка тогда, на Горьковском море, напредставлялась до того, что ее чуть ли не силком на берег выволакивали. Если бы могла, она бы на этом надувном матрасе всю жизнь нежилась!

Вот и в сугробе она наслаждалась похожим ощущением и поэтому несколько утратила представление о времени, месте и вообще о реальности... И вот вдруг печальный седоусый доктор сообщает ей, что она умерла! Что она явный и неоспоримый труп.

«Что за чепуха!» – хотела воскликнуть Валюшка, но язык не повиновался.

Она собралась помахать рукой и дать понять доктору и Сан Санычу, начальнику полиции, что они ошибаются, однако не повиновалась и рука.

Аналогично вели себя ноги и все прочие части ее лица и тела, которыми можно было бы воспользоваться, чтобы заявить о себе как о живом существе.

Валюшке стало не по себе.

Каждому известно, что происходит с трупом! В морге его вскрывают, как консервную банку – это называется «анатомировать», – и выясняют причину смерти.

Поскольку Валюшка, как уже было сказано, трупом себя не чувствовала и анатомированной быть совершенно не хотела, ей стало реально страшно. Она, наверное, даже похолодела бы от ужаса, если бы могла еще больше похолодеть.

– Да ладно, не переживай! – сказал в это время кто-то рядом. – Сейчас я тебя отсюда вытащу.

Кто это? Кто с ней говорит?!

Валюшка попыталась повести глазами, но напрасно.

– Тихо лежи! – сердито буркнул неизвестный. – Затрудняешь путь.

«Какой путь?! Куда?!» – хотела спросить Валюшка, но не успела: земля под ней, такое ощущение, разверзлась – и ее куда-то потащило.

Куда-то вниз!

Валюшка и правда испугалась, потому что неведомая сила словно бы извлекала ее из собственного тела. Тело сопротивлялось, да и вытаскиваемая часть не слишком-то хотела вытаскиваться.

– Тихо лежи! – раздраженно повторил неизвестный. – Ты мешаешь! Нет, не получается! А ну-ка, скажи: «Ис-форсьёлисо-моркет-доден-хоплесхет»!

Что за чушь? Такое разве выговоришь?! А главное, чем выговорить? Губы-то не шевелятся!

И тут произошла вот такая странная вещь. Валюшка ощущала, что губы ее, лежащей в сугробе, по-прежнему остаются оледенелыми и неподвижными, но губы той, которую незнакомец пытался выдернуть из ее тела, зашевелились, повторяя эту абракадабру с необычайной легкостью, как будто Валюшка всю жизнь учила ее наизусть:

– Ис-форсьёлисо-моркет-доден-хоплесхет!

– Есть! – радостно завопил незнакомец. – Сделано!

Рывок – и Валюшка почувствовала, что вырвалась из своего заледенелого тела!

Теперь она словно бы повисла... Но где?!

– Ну вот и все, – довольным голосом сказал незнакомец. – Теперь ты с нами.

– Я ничего не понимаю! – крикнула Валюшка. – Где я? Кто вы? С кем я? Почему я ничего не вижу?! Кто со мной говорит?! Здесь где-нибудь есть свет?

– С тобой говорю я, – отозвался голос. – Меня зовут Гарм. А света здесь полно! У тебя еще просто глаза не привыкли. Подожди немного, не дергайся, и все скоро разглядишь.

– Никак не пойму, – озадаченно пробормотала Валюшка, – я что делаю: сижу или стою? Или вишу? Я вообще ничего не ощущаю!

– Надо потерпеть, – мягко сказал Гарм. – Еще совсем немножко, поверь.

Валюшка недовольно хмыкнула. Вообще-то ей ничего другого не оставалось, кроме как ждать, терпеть и на слово верить этому Гарму. Ну а пока его обещания не сбылись, она пыталась хоть как-то освоиться с тем местом, куда попала.

Здесь было ни жарко, ни холодно, ни темно, ни светло – просто ничего не видно в сплошной белесой мгле. Но неподалеку что-то шуршало и потрескивало, поскрипывало и скрежетало.

Этот звук очень напоминал свист поземки по льду. А иногда – скрип снега под чьими-то шагами, то быстрыми, то медленными. Но чем напряженней Валюшка вслушивалась, тем отчетливей понимала: это не случайный набор звуков, а как бы музыка – странная, печальная и торжественная мелодия, похожая временами на марш, а временами на вальс. И к ней иногда присоединялся легкий хрустальный перезвон.

Музыка становилась все громче, перезвон усиливался, волна звуков нарастала, и вот на Валюшку словно шквал обрушился – и в то же мгновение она обнаружила, что этими звуками, будто ветром, развеяло белую непроницаемую мглу.

Зрение вернулось!

И тут у Валюшки от восхищения перехватило дыхание, ибо ничего прекрасней она не только не видела раньше, но и представить себе ничего подобного не могла.

Оказывается, она попала в дворцовый зал. Великолепный зал! Причудливые стены его были выложены, как показалось Валюшке, прозрачным хрусталем и еще какими-то плитами: голубоватыми, зелеными, мглисто-серыми и снежно-белыми.

На стенах были с необыкновенным искусством изваяны птицы и звери – тоже белые.

Чудилось, птицы и звери замерли на миг, но вот-вот этот бык, эта лиса, этот ястреб, этот лебедь и все прочие вырвутся из стен – и ринутся вперед!

Сверху, с потолка, который терялся в непроглядной вышине, свешивались гирлянды серебряных и хрустальных нитей. Они подрагивали, издавая чудесный перезвон. Потолок был опутан этими нитями словно поющей и сверкающей паутиной.

На стенах оказались укреплены бенгальские огни, от которых разлетались кругом тысячи и тысячи ослепительных белых искр.

Валюшка даже взвизгнула от восторга! Неужели здесь уже празднуют Новый год? Но ведь до него еще далеко...

А впрочем, какая разница? Главное, что кругом невообразимая красотища!

Она видела бенгальские огни только раз в жизни – на елке в детдоме несколько лет назад. Это было потрясающе! Однако больше их не зажигали: как объяснили детям – из боязни пожара. Наверное, это было правильно, но кто бы знал, как Валюшка тосковала по той красоте! Когда сияли бенгальские огни, елка пахла особенно остро и волнующе.

Валюшка принялась.

Елкой здесь не пахло.

Как ни странно, не чувствовалось вообще никаких запахов.

– Что же это такое? – пробормотала она. – Что это за дворец?

– Он называется Хельхейм, – отозвался Гарм. – Это парадная зала. Здесь мы встречаем особенных гостей.

– То есть я особенная гостья? – удивилась польщенная Валюшка, оборачиваясь на его голос.

Да так и ахнула!

Перед ней находились великолепные рыцарские доспехи, выкованные, как показалось Валюшке, из серебра и сплошь усеянные бриллиантами. В свете бенгальских огней они искрились и сияли так, что слепили глаза.

– Вот и я, – сказал Гарм.

Вот и он? Да нет, здесь нет никого! Только доспехи: панцирь, наколенники, перчатки... Вот одна перчатка взлетела и чуть помахала, как будто рука, на которую она была надета, поприветствовала Валюшку. Но в том-то и дело, что ни рук, ни ног, ни головы того, на ком были надеты доспехи, она не видела! В доспехах просто-напросто никого не было!

– Ты где, Гарм? – спросила Валюшка испуганно.

– Я здесь, – ответил Гарм, и перчатка снова приветственно помахала. – Я рядом. Но чтобы увидеть меня, ты должна кое-что сделать.

– Что? – Валюшка аж подпрыгнула от любопытства.

– Ты должна с кем-нибудь заговорить.

– Но ведь я с тобой говорю, – возразила она.

– Ты должна заговорить с кем-нибудь из других гостей.

– Тут еще кто-то есть? – огляделась Валюшка. – Где же они, эти гости?

– Скоро я тебе их покажу, – пообещал Гарм. – Они будут к тебе обращаться, и ты им обязательно отвечай. А сейчас...

Сверкающая перчатка звонко щелкнула пальцами – и Валюшка оказалась облачена во что-то мягкое, пушистое... как бы в шубу, что ли? Ну да, в шубу – белую, отливающую серебром! Шуба была длинная, до пят, с капюшоном, и потрясенная Валюшка замерла, открыв рот и разглядывая себя.

Что же это за невероятный мех?! Так белеет, так искрится только свежавыпавший снег ярким, солнечным, морозным днем!

– Это мне? – ошеломленно пискнула Валюшка.

– Конечно, – подтвердил Гарм.

– Но я... но мне... – залепетала было Валюшка – и осеклась.

Она хотела сказать, что ей неловко принять такой дорогой подарок, да и зачем надевать шубу, если ей совершенно не холодно, как вдруг до нее дошло, что все это время она была совершенно голая!

Вся ее одежда осталась на теле, из которого Валюшку вытянул Гарм!

И она стояла голышом перед мужчиной... перед молодым и, конечно, очень красивым мужчиной: судя по его приятному голосу и драгоценным доспехам, которые он носил.

Не важно, что Валюшка не видела Гарма. Он-то ее видел! И, наверное, ему стало стыдно за нее, вот он и надел на нее шубу. Чтобы она не позорилась перед другими гостями!

Валюшку так и бросило в жар. Да в такой, что еще чуть-чуть – и она буквально сгорела бы со стыда!

И в тот же миг... в тот же миг шуба, эта великолепная, непредставимо роскошная шуба, исчезла!

Ну да, пропала, словно ее никогда не было!

А Валюшка начала суетливо прикрываться ладошками.

Мест, которых следовало прикрыть, было три, а ладоней имелось в распоряжении всего-навсего две. Валюшка только собралась использовать для прикрытия также и локоть, как вдруг обнаружила странную вещь.

Она вовсе не была голой! Все тело ее оказалось покрыто какой-то странной белой пленкой, слегка отливающей перламутром. Такое впечатление, что Валюшка надела облегающий комбинезон из тонкой, необычайно эластичной ткани, прикосновения которой она даже не чувствовала. Однако под этой тканью было совершенно невозможно разглядеть ничего из того, что неприлично демонстрировать людям.

Валюшка с откровенным облегчением перевела дух, опустила руки, чтобы не стоять в такой нелепой позе, и обнаружила, что Гарм исчез.

Мало того! Все вокруг разительно изменилось!

Бенгальские огни погасли. Стены дворца потемнели и словно бы покосились. И Валюшка успела увидеть, как панически убегают и улетают с них белые звери и птицы, взвивая вслед за собой снежные вихри.

Она растерянно посмотрела вверх.

Музыкальная серебрястая паутина исчезла. Вместо нее с потолка свешивались черные осклизлые корни огромного дерева! И этими корнями были оплетены какие-то фигуры, висящие в вышине.

Сначала Валюшка не могла их разглядеть в том тусклом, белесом полумраке-полусвете, который воцарился вокруг, но корни вытягивались и приближали свою ношу к Валюшке, словно хотели, чтобы она все хорошенько увидела.

Валюшка всмотрелась – и задохнулась от ужаса! Отшатнулась, поскользнулась – и плюхнулась наземь, продолжая ошарашенно тарашиться вверх, где медленно раскачивались... медленно раскачивались мертвые тела людей и животных!

Их было много! Собаки, кошки, застывшие в причудливых позах, был даже теленок! – и люди, люди с белыми окостеневшими лицами, имевшими одинаковое выражение безнадежности и терпения: мужчины, женщины, дети...

Валюшка переводила взгляд с одного на другого, невольно зажмуриваясь, когда встречала устремленный на нее тусклый, безжизненный взгляд, но тут же снова открывала глаза и оглядывалась снова и снова, как будто была приговорена к этому страшному созерцанию.

Вдруг что-то коснулось ее плеча.

Валюшка обернулась – и в ужасе отпрянула от мертвой девушки, которая, раскачиваясь, невзначай тронула ее застывшей рукой.

Девушка была одета в спортивный костюм: теплые черные рейтузы, лыжные ботинки, короткую красную меховую курточку и красную вязаную шапку с большим белым, похожим на хризантему помпоном. Из-под шапки ниспадали длинные рыжие пряди распущенных волос. Все это было как бы припорошено белой пылью. Валюшке не сразу удалось понять, что это иней.

Одна нога у девушки была странно согнута в колене, и из рваной штанины торчал обломок кости.

Мертвое тело медленно раскачивалось рядом с Валюшкой, и вот повернулось к ней лицом.

И Валюшка невольно испустила вопль ужаса, потому что девушка открыла глаза – они оказались мутно-серыми, мглистыми, неживыми! – и слегка разомкнула посиневшие губы.

– Молчи... – донеслось до Валюшки словно бы дуновение дальнего ветерка. – Не говори с нами. Не отвечай нам. Не называй своего имени! Иначе не вырвешься отсюда. Навсегда останешься здесь, как мы... А если увидишь Цингу с двенадцатью лихорадками – не смотри ей в глаза!

Валюшка с перепугу чуть не ляпнула: «Что ты такое говоришь, я ничего не понимаю?!» – но вовремя вспомнила предостережение – и не проронила ни слова.

Девушка закрыла глаза, губы ее мучительно сжались, и теперь, глядя на нее, совершенно невозможно было поверить, что минуту назад она смотрела на Валюшку и говорила с ней!

Корень, обвивавший тело девушки, качнулся – и утащил ее вверх. На смену ему спустился другой корень – с двумя маленькими мальчиками в одинаковых черных шубках, сплошь покрытых льдом. Лица и непокрытые головы детей тоже были скованы ледяной коркой, а маленькие руки одного судорожно держались за руки другого. Один был обут в валенки, а второй оказался лишь в толстых шерстяных носках.

Зрелище их вытарашенных, зазеленелых глаз и открытых в безмолвном крике ртов заставило Валюшку расплакаться. Она закрыла лицо руками, но в это мгновение что-то пронеслось мимо, какой-то вихрь, и она отдернула руки от лица.

Да что такое творится?! Опять вокруг нее сверкающие в бенгальских огнях стены дворцовой залы, сложенной из белоснежных, голубоватых и зеленых плит!

«Да ведь это лед! – поняла Валюшка. – Весь этот дворец – изо льда! Здесь какое-то ледяное царство! Вот почему мертвые тела были покрыты льдом и инеем!»

Вдруг она заметила, что на стены возвращаются белые звери и птицы: так же стремительно, как убегали, только задом наперед!

Последним примчался белый бык: Валюшка успела увидеть, как он вскочил на свое место на стене и, прежде чем слиться с ней, бросил на Валюшку взгляд выпученных белесых глаз – взгляд, полный такой лютой ненависти, что она, наверное, упала бы, пораженная силой этой ненависти, если бы и так не сидела на полу.

– А почему ты сидишь на полу? – раздался голос Гарма, и Валюшка почувствовала, как металлические перчатки подхватили ее под мышки и вздернули на ноги.

Валюшка оглянулась в надежде, что наконец-то увидит его, но перед ней по-прежнему сверкали только великолепные доспехи.

Однако Валюшку не оставляло ощущение, что на нее устремлен пристальный, требовательный взгляд.

Она поежилась.

– Поскользнулась и упала, только и всего, – ответила, как ей казалось, равнодушно.

– С кем ты разговаривала? – спросил Гарм.

– Да ни с кем, – пожала она плечами.

– Но я слышал чей-то голос...

– Тебе почудилось, – сказала Валюшка твердо.

Почему-то она была совершенно убеждена, что Гарм ничего не должен знать о том, что тут произошло.

– Определенно почудилось, – повторила решительно. – С кем тут говорить? Все вдруг исчезли – и ты, и даже звери с птицами со стен.

– Тебе почудилось. – Теперь в голосе Гарма звучала усмешка. – Видишь, все на своих местах. – Перчатка указала на стену, откуда на Валюшку мрачно смотрел белый бык.

– Вижу, – кивнула она покладисто. – Значит, почудилось. Вот только шуба ку...

Она хотела сказать «куда-то пропала», но не успела, ощутив на своем теле почти невесомый пушистый мех.

Шуба вернулась! Вот это да!

– Почудилось! – настойчиво сказал Гарм. – И что бы тут ни происходило, ты не должна обращать на это внимание. Ведь ты особая наша гостья. Мы не зря спасли тебя от смерти. На тебя возлагается столько надежд...

– Погоди-ка! – перебила Валюшка. – Я что-то не пойму. Ты говоришь – спасли от смерти. Но ведь ты вытащил меня из моего тела, так?

– Так, – согласился Гарм.

– Значит, оно лежит где-то в сугробе, а я тут разговариваю с тобой в этом, как его...

Хельхейме?

– Да, правильно, – одобрительно сказал Гарм.

– То есть я – это не я, а моя душа, так, что ли? – с ужасом проговорила Валюшка. – Моя душа в каком-то ледяном аду...

– С чего ты взяла? – Серебряная перчатка резко взлетела в протестующем жесте. – Почему ты решила, что это ад?! Может быть, это рай!

«Потому что в раю не может быть замерзших трупов людей и животных», – чуть не лягнула Валюшка, но тотчас вспомнила, что она как бы ничего не видела, и довольно нагло передернула плечами:

– Да какая разница, рай это или ад? Главное, что я – это не я, а моя душа, так?

– Нет! – Перчатка чиркнула перед ее лицом, как будто Гарм протестующе взмахнул рукой. – Пока что здесь находится твоя сила.

– Что? – непонимающе подняла брови Валюшка.

– Сила. Жизненная сила. Ее, надо сказать, в тебе еще слишком много, иначе ты бы не смогла протаять... – Гарм вдруг осекся. – Ладно, это не важно. Только когда эта сила иссякнет, ты умрешь – и душа покинет тебя: вознесется в рай или канет в ад. Сейчас ты находишься между жизнью и смертью. Там, наверху, люди убеждены, что ты уже погибла. А на самом деле жизнь твоего тела как бы оцепенела. Тело спит. Заморожено и спит...

– Заморожено и спит? – насторожилась Валюшка. – Значит, его можно разбудить? Растаять? Если меня – силу – вернуть в мое тело, оно оживет?

– Ты хочешь вернуться в свою прежнюю жизнь? – Голос Гарма звучал недоверчиво.

Валюшка почувствовала, как дрожь прошла по ее телу.

Ладно, не по телу. Тело лежит в сугробе. Значит, дрожь прошла по ее жизненной силе. Да не важно, по чему!

Важно другое.

Хочет она вернуться обратно? Вернуться в детдом?

Нет. Нет!

Ведь она почему здесь оказалась? Потому что сбежала оттуда.

Валюшка с великим трудом добралась до этого городка, который назывался очень смешно – Городишко, – потому что искала тетю Тому! Мамину сестру! Единственного родного человека! Правда, тетя Тома никогда Валюшку не навещала, но иногда – два или три раза в год – присылала конфеты и печенье. А потом перестала. И Валюшка забеспокоилась – не случилось ли с ней чего? Может, тетя попала в больницу? А ухаживать за ней некому... Вот Валюшка и пригодится.

Да и просто захотелось на тетю Тому посмотреть, может быть, даже прижаться, чтобы она обняла, погладила по голове и поцеловала в висок, как мама когда-то целовала... В детдоме-то не слишком пообнимаешь кого-нибудь, а воспитатели по большей части орут.

Мечты – их Валюшка даже от самой себя таила! – были о том, что тетя Тома вдруг ее полюбит и скажет: «Деточка моя маленькая, оставайся у меня жить». Валюшке безумно хотелось, чтобы ее назвали маленькой, чтобы деточкой назвали. Воспитатели знай твердили: «Ты уже большая, тебе уже тринадцать. Пора умнеть! Пора учиться думать самостоятельно!»

Вот Валюшка и надумала самостоятельно тетю Тому искать. Чтобы та поцеловала ее в висок и сказала: «Деточка моя маленькая...»

Сбежала она из детдома 10 декабря. Там был праздник – коллективный день рождения всех, кто родился в декабре. И Валюшка под шумок дала деру.

Денег у нее не было. Несколько бутербродов удалось стащить в столовой, а денег и стащить оказалось неоткуда. Поэтому на электричке Валюшка ехала зайцем, бегая от контролеров по вагонам.

Приехала в Городишко, пошла по адресу, который был указан на тетиних посылках и который Валюшка, понятное дело, знала наизусть, – но обнаружила там только чужих людей. Тетя Тома, оказывается, недавно продала квартиру и уехала куда-то. А куда – никто не знает. Так что Валюшке нужно возвращаться в детдом...

Опять в электричках от контролеров бегать!

Она шла по улице и плакала. И ничего не видела от слез. И думала только о том, что она не хочет, не хочет возвращаться! Вот и прошла вплотную к зданию, которое все умные люди стороной обходили. На его крыше снег аж пластом сползал, тяжело нависая над тротуаром, да еще огромная сосулица там висела, и все это могло оборваться в любую минуту. Ну, и оборвалось, когда Валюшка мимо шла.

Она вспомнила, что сосулица разбилась перед самым ее носом. А потом ее с головой накрыло снежным пластом.

И Валюшка снова подумала о том, сколько же времени она пролежала в сугробе...

Наверное, очень долго. В детдоме небось ее уже искать перестали. А она вдруг вернется – здрасьте! Ох, что же ее там ждет...

Даже думать об этом неохота!

– Нет! – закричала Валюшка. – Не хочу туда снова!

– Вот и прекрасно, – радостно воскликнул Гарм. – А теперь надо представиться госпоже – и можно будет подумать о дальнейшем.

– О чем дальнейшем? – спросила Валюшка, но он не ответил.

Сверкающие латы повернулись в сторону: наверное, Гарм туда смотрел, – и Валюшка тоже туда посмотрела.

Сначала она видела только ослепительное белое сияние, а слышала – мерный плеск. Казалось, что издалека приближается большая лодка с несколькими гребцами, которые слаженно опускают весла в воду и так же слаженно поднимают их.

И вот лодка показалась.

Нет, назвать ее лодкой было невозможно. Только великолепное слово «ладья» подошло к ней!

Да, это была сверкающая, белоснежная ладья, напоминающая огромного лебедя! С боков взлетали серебряные весла: по пять с каждой стороны.

На ее носу находилось изображение головы громадного белого пса. Валюшке показалось, что голова эта высечена из льда. И ладья тоже была, конечно, ледяной.

Бледно-зеленые волны, по которым она плыла, вдруг заплескались у самых ног Валюшки, и она испуганно попятилась, подбирая полы своей длинной шубы.

Серебряная перчатка Гарма легла на ее плечо, успокаивая:

– Эта река называется Гьёлль. Тебе нечего бояться, раз ты со мной.

И в самом деле – волны всплеснулись в последний раз и улеглись. Ладья, чуть повернувшись боком, остановилась, и с борта ее упала затейливо высеченная из льда лесенка с перилами.

Гарм подтолкнул к ней Валюшку:

– Иди поклонись госпоже.

Она запнулась, заробела, и Гарм ласково сказал:

– Не бойся, я буду рядом. Подскажу, что делать. Первой тебя встретит Модгуд. Поклонись ей один раз. Потом увидишь Скади. Ей отведишь два поклона. И наконец представишь перед нашей госпожой Хель, хозяйкой этого дворца. Ей поклонись трижды. На фебер, которые сидят на веслах, можешь не обращать внимания.

– Им не кланяться? – испуганно уточнила Валюшка.

– Нет. Ну, вперед!

Гарм подтолкнул ее, и Валюшка стремительно поднялась, можно сказать – даже взлетела по ледяным ступенькам. Правда, на последней споткнулась, запутавшись в полах шубы.

Худая старуха с белым грубым лицом и белыми волосами, вся в белом, подала ей руку и помогла взойти на гладкую, отливающую бледной лазурью палубу.

«Первой тебя встретит Модгуд», – вспомнила Валюшка слова Гарма и поклонилась один раз.

Старуха в ответ тоже поклонилась и отошла в сторону, а перед Валюшкой оказалась молодая и очень красивая женщина, которую, видимо, звали Скади. Между прочим, за эту холодную красоту ее вполне можно было бы назвать Снежной королевой, если бы на ней не оказалось тяжелого шлема, кольчуги и опоясывающего ее талию меча. Это была женщина-воин, и голубые глаза ее смотрели холодно и безжалостно. Впрочем, поскольку меч оставался в ножнах, Валюшка все же осмелилась дважды поклониться.

Скади слегка кивнула и посторонилась, пропуская Валюшку к возвышению, установленному посреди ладьи. На возвышении сидела женщина, вся укутанная сверкающими покрывалами. Однако Валюшка тотчас поняла, что это не покрывала, а метельные вихри с искрящимися в них снежинками и крошками льда.

Видимо, это и была повелительница Хель. Чтобы добраться до нее, предстояло подняться еще по одной лесенке.

Берясь за перила, Валюшка бросила случайный взгляд в сторону – на гребцов. С каждой стороны ладьи их сидело по пять. Гребцами оказались молодые и необыкновенно красивые девушки в серебристых одеяниях. Это, значит, их Гарм назвал «фебер».

Правда, красоту фебер портило выражение их точеных лиц: неподвижное, оледенелое и даже несколько тупое... Однако прозрачные бледно-голубые глаза их следили за каждым

движением Валюшки со странным, жадным, голодным выражением. Чтобы лучше рассмотреть Валюшку, они даже высовывались друг из-за дружки.

«Почему они так смотрят?» – изумленно подумала Валюшка, которой от этих взглядов стало очень не по себе. И вдруг в памяти всплыли слова той мертвой девушки: «Если увидишь Цингу с двенадцатью лихорадками – берегись смотреть ей в глаза!»

«Цинга» и «лихорадки» – это какие-то очень противные слова. А девушки – красавицы! Вдобавок, их не двенадцать, а десять. Ну и что же, что так странно смотрят? Надоело им сидеть на веслах – вот и уставились на незнакомого человека.

В общем, ни Цинги, ни лихорадок здесь нет.

Ну и хорошо, можно успокоиться.

Однако успокоиться не удавалось. Честно говоря, даже подобия спокойствия Валюшка не испытывала с того мгновения, как увидела потемневшие стены дворца, а главное – с тех пор, как услышала мертвый и в то же время полный страшной муки голос той погибшей девушки!

Было страшно и хотелось оказаться как можно дальше отсюда.

Но где? Да где угодно, только не здесь и не в детдоме!

А в самом деле, где тогда?..

Где-нибудь, где бы ее любили. Где бы она была хоть кому-нибудь нужна!

– Ну, поднимайся к госпоже! – раздался нетерпеливый голос Гарма, и Валюшка поставила ногу на ступеньку.

Она взбиралась по лесенке еле-еле, боясь поднять глаза, и вот наконец увидела отороченный великолепным сияющим мехом подол какого-то одеяния. И мех, и искристая ткань были белыми. Из-под подола высовывался носочек белоснежного сапожка.

Валюшка перевела взгляд выше – и покачнулась. Перед ней восседала женщина такой невероятной красоты, что Скади и фебер казались рядом с ней замарашками из самого зачуханного детдома.

Чеканные черты Хель были совершенны. Длинные белые косы сверкали так, словно были унизаны бриллиантами.

В одной руке она держала хрустальный шар, в другой – длинное копье.

Глаза ее были закрыты, губы сомкнуты, и белые ресницы лежали на белых щеках словно белые стрелы.

– Кланяйся! – долетел до Валюшки свистящий шепот Гарма, и она поклонилась так низко, как могла, потом еще раз и еще.

Однако Хель оставалась неподвижной и не открывала глаз.

– Госпожа почему-то гневается на тебя, – с тревогой пробормотал Гарм. – Не хочет удостоить тебя даже взглядом. Скорее скажи заклинание, чтобы она смилостивилась.

– Какое заклинание? – непонимающе прошептала Валюшка.

– Ис-форсьелисо-моркет-доден-хоплесхет, – подсказал Гарм. – Помнишь?

Конечно, Валюшка помнила. Когда она произнесла эти слова, Гарм вырвал из ее тела жизненную суть. И Валюшка очутилась в этом странном мире...

Зачем нужно произнести заклинание еще раз? Что случится тогда?

Она не знала. Но стало так страшно... еще страшней, чем было раньше!

Вдруг за спиной Валюшки раздался какой-то шелест. Она обернулась и увидела, что все фебер, а также Скади и Модгуд медленно приближаются к помосту. Вид у них был недобрый, если не сказать – угрожающий.

– Что им нужно?! – взвизгнула Валюшка испуганно.

– Скажи заклинание! – воскликнул Гарм. – Скорей!

– Что значат эти слова? – жалобно пискнула Валюшка. – Я не могу их запомнить!

– Потом объясню, а сейчас повторяй за мной! – крикнул Гарм. – Скорей! Ис-форсьё-лисо...

Валюшка приоткрыла рот, но не смогла заставить себя повторить эту абракадабру. Казалось, если она произнесет хоть слово заклинания, случится что-то ужасное!

Внезапно послышался какой-то скрежещущий звук, и Валюшка увидела, что Скади медленно вытягивает из ножен меч. Глаза ее с неумолимым выражением устремились на Валюшку. И нетрудно было догадаться, на кого Скади собирается обрушить свой меч!

– Ис-форсьёлисо-моркет-доден-хоплесхет! – торопливо подсказывал Гарм.

Перепуганная Валюшка кое-как повторила.

Скади резким движением отправила меч в ножны и отступила.

Фебер и Модгуд тоже попятнулись.

А Валюшка с трепетом посмотрела на Хель.

Тяжелые белые ресницы медленно поднялись, и Хель взглянула на Валюшку.

Та зажмурилась, отпрянула... и, оступившись, покатила кубарем с возвышения, а потом и с лесенки, по которой поднималась на борт корабля.

Увесисто шлепнулась на лед, вскочила и, заметавшись, стала тереть глаза, потому что их до сих пор жгло от взгляда красноглазой Хель.

Да-да! У нее были алые, будто кровь, пылающие, как огонь, пронзительные, словно удар копья, глаза!

Металлическая перчатка опустилась на плечо, и Валюшка наконец осмелилась разомкнуть сожмуренные веки.

Рядом блестели доспехи Гарма.

– Не бойся, – ласково сказал он. – Ты удостоена великой чести. Не на всякого соблаговолит взглянуть наша госпожа!

Валюшка кивнула, подумав, что прекрасно обошлась бы без этой ужасной «великой чести».

– Сейчас я познакомлю тебя с другими гостями – и ты поймешь, что здесь очень хорошо живется. Смотри, какие они веселые, какие счастливые!

Он вскинул руку, и Валюшка услышала веселый перезвон, который доносился откуда-то сверху.

Запрокинула голову – и увидела, что к ней спускаются сверкающие качели, на которых сидят люди в нарядных белых одеждах. Они весело смеялись, и голоса их мелодично звенели, словно хрустальные колокольчики.

– Здравствуй! – кричали они наперебой. – Как тебя зовут? Почему ты такая грустная? Тебе страшно? Ха-ха-ха! Ты ничего не понимаешь! Здесь не страшно, а очень весело! Хочешь, мы тебе расскажем, как замечательно живем? Спроси кого хочешь! Мы будем очень рады с тобой поболтать! Ну скажи хоть что-нибудь! Как тебя зовут? Ответь же!

Валюшка растерянно моргала, переводя взгляд с одного лица на другое. Звуки веселых голосов складывались в чарующую мелодию, и Валюшка ощутила, что страх проходит. Она постепенно успокаивалась.

В самом деле, чего было пугаться? Наверное, здесь не так уж плохо, если эти люди так счастливы!

– Не молчи, это невежливо, в конце концов! – укоризненно сказал Гарм. – Смотри, как тебе все рады! Поговори хоть с кем-нибудь!

– Скажи нам, скажи, как тебя зовут! – раздался звонкий детский голос, и Валюшка увидела двух маленьких мальчиков, сидящих на одних качелях. Они крепко держались за руки и хохотали, глядя друг на друга, так что казалось, будто они не Валюшку спрашивают о ее имени, а друг друга.

В этом было что-то странное...

Валюшка растерянно оглядела детей и вдруг заметила, что у одного мальчика из-под пушистой белой шубки выглядывают валеночки, а другой обут только в белые носки.

Ее словно ударило! Вдруг вспомнились двое оледенелых детей, которых она видела оплетенными гнилыми древесными корнями. Те дети вцепились друг в друга мерзлыми ручонками... у одного на ногах были покрытые льдом валеночки, а у другого только носки.

И снова зазвучал в голове голос убитой девушки, напоминающий дуновение дальнего ветерка: «Молчи... Не говори с нами. Не отвечай нам. Иначе не вырвешься отсюда. Навсегда останешься здесь, как мы...»

Да нет, этого не может быть! Те люди были мертвые, страшные, обвитые осклизлыми корнями, а эти вон какие веселые!

И все же... это ведь те же самые малыши...

Нет, она ничего не скажет!

Валюшка зажала руками рот, чтобы из него не вырвалось ни звука.

– Ты что? – изумленно спросил Гарм. – Ты что?! Ты не будешь ни с кем говорить? Но раз так, ты не сможешь увидеть меня! Ты этого не хочешь?!

Голос его был так печален, что Валюшке стало стыдно. Она отняла руки от рта и про- бормотала:

– Я очень хочу тебя увидеть! Очень!

– Ну так заговори с ними! – воскликнул Гарм.

Валюшка замотала головой.

– Значит, нет?! – зло спросил Гарм.

– Нет! – отчаянно крикнула она – но не услышала собственного голоса. Его заглушил страшный треск!

Дворец покачнулся. У Валюшки разъехались ноги, она шлепнулась навзничь... и раз- глядела, что под неоглядным куполом дворца больше нет качелей со счастливыми и хохочу- щими людьми. Там снова болтались страшные корни неведомого дерева, обвивавшие оле- денелые трупы.

А вокруг все трещало, грохотало и скрежетало, как будто какая-то неведомая сила пыталась пробить стены Хельхейма изнутри.

Белые звери и птицы рухнули со стен и бросились в бегство. Только бык остался... но он уже не был белым! Темно-красная полуободранная туша воздвиглась перед Валюшкой.

Рога были изъедены гнилью. Кое-где на боках сохранились лоскуты грязно-белой шкуры. Туша стояла на трех ногах, четвертая была отрублена.

Чудище угрожающе наклонило голову...

– Оставь ее, Тюрен! – раздался крик Гарма. – Некогда! Айсбайли! Это прорвались айс- байли! Вперед, к госпоже!

Туша издала недовольное мычание, больше напоминающее рев разъяренного зверя, и промчалась мимо Валюшки.

С ужасом проводив кошмарного быка глазами, она огляделась и обнаружила, что вме- сто величественных дворцовых стен вокруг громоздятся бесформенные торосы, а между ними бурлит и вьется какая-то темная река.

На одной из ледяных глыб на ее берегу стояли три женские фигуры.

Одна была сгорбленной старухой, закутанной в покрывало. Другая, с яростным выра- жением костистого, злобного лица, вздымала огромный меч.

«Да ведь это Модгуд и Скади! – догадалась Валюшка. – Как они изменились! А где же Хель?»

И в тот же миг увидела ее...

От великолепия белых одежд остались одни обрывки, едва прикрывающие тело Хель, а от неземной красоты не осталось вообще ничего. Валюшка ни за что не узнала бы в этом

монстре прежнюю Хель, если бы не ее огненно-алые глаза, которые ничуть не изменились. Исполинского роста, с всклокоченными седыми волосами, Хель теперь была наполовину синей, наполовину белой и до пояса напоминала обычную женщину, однако ноги ее были покрыты жуткими черно-гнилыми пятнами, из которых сочилась сукровица.

Да, сейчас ее вполне можно было назвать этим ужасным именем – Цинга!

Ее хрустальный шар тоже преобразился. Теперь он был усеян шипами и напоминал звезду. Шар этот угрожающе раскачивался на серебряной цепочке, которую держала Хель, вернее Цинга.

Она перебросила свое копьё Модгуд, вскочила верхом на трехногого быка и крикнула: – Стереги ее, Гарм! Она не должна уйти!

Вслед за этим Цинга пришпорила пятками своих гниющих ног быка, и тот взвился на дыбы.

Сгущалась белая мгла, и Валюшка с трудом разглядела в ней каких-то жутких костлявых старух.

Их было десять... столько же, сколько фебер! Они тоже изменили облик, как и прочие! Теперь их было не отличить от Модгуд и Скади, вот только у них не было никакого оружия, кроме длинных и острых когтей, которые выглядели устрашающе.

«Если Хель – Цинга, то эти, значит, лихорадки! – догадалась потрясенная Валюшка. – Всего – вместе с Модгуд и Скади – их двенадцать! Все точно так, как сказала та девушка!.. Что же мне теперь делать? Как спастись?!»

Внезапно острые синие огни прорезали мглу, и она стремительно рассеялась, словно ее ветром унесло. Валюшка увидела полчище стремительно приближавшихся белых фигур.

Синие глаза ослепительно сияли, а руки сжимали странные топорики на тонких рукоятках. Этими топорами неизвестные существа разрушали все вокруг: и остатки ледяных стен, и белых птиц и зверей, которые бросались на них. Кулаки у них, чудилось, были изваяны из железа, потому что удары их тоже были сокрушительны.

Значит, это с ними изготовились биться обитательницы Хельхейма!

– Вставай, – серебряная перчатка Гарма вздернула Валюшку и помогла ей подняться на ноги. – Держись за моей спиной, чтобы айсбайли не добрались до тебя. Иначе... Смотри!

Он указал вверх, и Валюшка увидела, что синеглазые существа уже раскачиваются на корнях и рубят своими топориками жуткие оледенелые трупы! Вниз градом сыпались мелкие осколки.

Валюшка заметила, что тело девушки, которая предупредила ее о Цинге, разлетелось таким же ледяным крошевом.

– Айсбайли не щадят никого! Но их тоже не пощадит Моргенштерн госпожи нашей Хель! – вскричал Гарм.

Тем временем Цинга, Модгуд и Скади уже бросились в бой, а вслед за ними – когтистые старухи-лихорадки.

Цинга что-то кричала, широко раскрывая рот, полный обломков гниющих зубов. Моргенштерн, шипастый шар, так и летал вокруг нее на цепочке, выбивая топорики из рук айсбайлей. Если Моргенштерн попадал в голову айсбайля, тот исчезал бесследно.

Яростно бились Цинга и ее свирепые лихорадки. Но вдруг один из айсбайлей ухитрился зацепить острием топорика цепь Моргенштерна – и вырвал его из рук Цинги!

Она осталась безоружной и гневно оглядывалась вокруг. Теперь ее защищал своими рогами только бык по имени Тюрен.

Скади и Модгуд были окружены врагами, а когти других лихорадок попусту вонзались в белые фигуры айсбайлей, не причиняя им никакого вреда.

– Гарм! – вскричала Цинга. – На помощь!

Раздалось оглушительное рычание, и над серебряными латами Гарма словно бы закубилась тьма, а через миг Валюшка увидела, что эти латы облегают не торс красавца-рыцаря, как она думала сначала, а туловище огромного черного пса...

У него было четыре глаза, пылающих таким же кровавым пламенем, как глаза Цинги. Длинные белые клыки торчали из пасти словно у саблезубого тигра.

Пес резким движением вырвался из лат, которые тут же рассыпались ледяными осколками, и ринулся к своей повелительнице.

Он зубами вырвал у айсбайлей Моргенштерн, мотнув головой, перебросил его Цинге, и та, ловко поймав свое страшное оружие синей рукой, с радостным воплем раскрутила над головой цепь.

Гарм, казавшийся неуязвимым для вражьих топоров, орудовал мощными лапами, отшвыривая айсбайлей от Хель.

Внезапно Валюшка ощутила ужасную боль в плече. Повела глазами – и увидела железные пальцы, вцепившиеся в ее плечо. Повернула голову – и встретила взглядом с синими глазами, яростно сверкающими на белом призрачном лице.

Айсбайль! Страшный убийца!

Валюшка попыталась вырваться, но не смогла. Айсбайль вскинул свободную руку, зацепил своим топором болтающийся над ними корень – и взвился вверх, не выпуская Валюшку.

Внизу раздался лютый, свирепый вой, и Валюшка, опустив глаза, увидела, что Гарм прыгает внизу, пытаясь дотянуться до нее. Однако новые и новые синеглазые фигуры преграждали ему путь, а тем временем айсбайль, державший Валюшку, поднимался все выше и выше, перелетая с корня на корень.

Внезапно хватка железных пальцев ослабла. Айсбайль с силой подбросил Валюшку. Она ощутила, что взмывает вверх, а шуба, подарок Гарма, сваливается с нее и падает вниз, потом увидела, что на нее надвигается темнота, однако в этой темноте слегка высвечивались странные очертания, напоминающие очертания распостертого человеческого тела.

Миг – и Валюшка врезалась в это бледное свечение. Ее словно бы сковали какие-то путы, а потом ей стало так тесно, больно и страшно, что она лишилась сознания.

* * *

Валюшка очнулась оттого, что какие-то голоса гудели над ухом и ужасно мешали:

– Доктор, я не могу снять с нее одежду, все примерзло!

– Ничего страшного, не снимайте. Давайте положим ее в ванну как есть, все постепенно отмокнет, тогда и снимете. Только вода должна быть очень холодная, а теплую будем подливать постепенно. Очень медленно! До тех пор, пока температура воды не станет равной обычной температуре тела. Давайте я этим пока сам займусь, а вы, Марина Николаевна, капельницу поставьте. И следите, чтобы спирт поступал в кровь непрерывно.

– Спирт в кровь?! Да она ведь еще ребенок!

– Во-первых, спирт всего лишь пятипроцентный, а во-вторых, это чистый углевод, который мгновенно расщепляется в крови и согревает человека. Главное – не спешить.

Валюшка ощутила, как по телу начинают бегать мурашки. Сначала их было немного, и вели они себя довольно спокойно, но постепенно мурашек становилось все больше, и они откровенно нагнали. Топали по рукам, ногам, по лицу, даже за глаза щипать умудрялись! Валюшке уже орать хотелось, но она была не в силах пошевелить губами, потому что мурашки топтались и по ним, причиняя невероятную боль.

Однако слышать она явно стала лучше, и голоса, которые казались сначала однообразным низким гудением, постепенно разделились на женский – неровный и прерывистый, и

мужской – спокойный и уверенный. Почему-то Валюшке казалось, что этот мужской голос она уже слышала, только не могла вспомнить когда и где.

Несмотря на боль, которая пронизывала все тело и, кажется, даже мозг, Валюшка догадалась, что мужчина называется – доктор, а женщина – Марина Николаевна.

– Да вы не плачьте, – снова заговорил доктор, – ваше дело – за капельницей следить. А я еще немножко тепленькой водички подолью. Все-таки резервы человеческого организма неисчерпаемы, и никто не может знать, на что он способен. Поэтому будем надеяться на лучшее. Глядишь, и в самом деле выживет наша девочка, окрепнет...

Внезапно раздался какой-то длинный неприятный звук.

Валюшка после некоторого раздумья вспомнила, что так скрипит дверь, если у нее петли не смазаны.

А потом кто-то громко прошептал:

– Чтобы девке сделаться телом крепкой, надобно ей стать на топор.

– Господи милостивый! – воскликнул доктор. – А это что еще за привидение?!

– Увидеть во сне привидение, – снова послышался тот же шепот, – если оно не безобразно и одето в белое платье – значит утешение и радость. Если же одето в черное и безобразно, сие знаменует тщетные усилия и обман.

– Эй, ты мне это прекрати! – рассердился доктор. – Я вот тебе сейчас покажу тщетные усилия! А ну, гуляй отсюда!

– Да ты уж в самом деле иди, иди, Лёничка, – ласково сказала Марина Николаевна. – Иди почитай свою книжечку. А то у нас работы много. Видишь, девочку лечим. Тебя вылечили, теперь ее лечим. Иди, Лёничка!

Дверь снова заскрипела. Наверное, закрылась.

– Что за чудик такой? – изумленно спросил доктор. – Откуда он взялся?!

– Да вы только-только в отпуск уехали, как этот Лёничка к нам приبلудился, – ответила Марина Николаевна. – Поэтому вы и не видели его раньше. Тоже вроде этой девочки: замерз в сугробе. Только сам очнулся и прибрел, попросился у Ефимыча погреться.

– У Ефимыча погреться? – почему-то расхохотался доктор.

– И не говорите, – вздохнула Марина Николаевна, – но он же не знал, куда пришел. Ефимыч глянул: мать родная – у парня все лицо белое, будто у мертвеца! Ну зомби и зомби! Как в кино!

– Во-во, – хохотал доктор. – Ефимыч перепугался небось?!

– Да не больно-то Ефимыча перепугаешь, – засмеялась Марина Николаевна. – Но Лёничка поморозился очень сильно. Думали, кусками кожа облазить будет, гангрена разовьется, но обошлось. Правда, у него холодная аллергия развилась, потому вечно шурится и глаза слезятся. А закапывать в глаза не дает. Сегодня он вообще сбежал от меня. Да, сбежал на улицу – как был, в одной безрукавке, без шапки! Не меньше часа где-то блондил. Воротился вскоре после того, как вы приехали. Я за спиртом в лабораторию бегала – смотрю, стоит, белый весь от холода. Как бы не разболелся!

– Нелепость какая – капель бояться, – неодобрительно сказал доктор.

– Конечно, – согласилась Марина Николаевна, – да Лёничке все нипочем. Он ведь блажененький. Ну, как теперь говорят, чокнутый. С того и чуть не замерз. Говорит, метель песни пела, он и захотел послушать о чем. Да так заслушался, что заснул.

– А проснулся-то как?!

– Ну, говорит, метель улеглась, песня кончилась, вот и понял, что пора вставать.

– Чудны дела твои, Господи, – усмехнулся доктор. – Обычно этих, кто в сугроб поспать залегает, по весне находят. Подснежниками их зовут, знаете?

– Знать-то знаю, да только так замерзших пьяниц называют. А Лёничка – ни-ни. Пить, курить – боже упаси, ну чисто староввер. Он говорит, что из старообрядческой Марьевки – помните, есть такое заброшенное село в ста пятидесяти верстах отсюда к северу?

– Конечно, помню, да ведь там давно не живет никто. Вернее, обитали две старухи, наш начальник полиции их раз в месяц проводывал, живы ли. Как-то и меня с собой брал – вдруг приболели? Но и они не болели, и никаких Лёничек мы там не видали.

– Вот одна из этих старух его бабка была, забрала мальчишку к себе, когда его родители умерли. Они вроде бы нездешние были, откуда-то из Сибири. Когда кто чужой приезжал, она внука в погребе прятала: стращала его, что иначе в сумасшедший дом заберут. А потом бабка померла, да соседка померла, ну Лёничка и подался куда глаза глядят.

– Страсти-мордасти какие, – пробормотал доктор. – А как это они разом померли?

– Да угорели, – пояснила Марина Николаевна. – Старушки частенько друг к дружке в гости захаживали, чаек попивали. Лёничка говорил, однажды бабка его ушла вечером к соседке, да к утру не вернулась. Он пошел искать, а обе старушки дремлют у стола вечной дремотою... Угорели! Мы, когда Лёничка эту историю нам рассказал, конечно, сообщили в полицию. Сан Саныч поехал, проверил, так все и было, как он говорил. Похоронили старух, дома заколотили. Ну куда парнишке деваться? Так и прибился к нам. Хотели его в детдом в область отвезти, да ему небось шестнадцать-семнадцать уже. Какой детдом? В психушку жалко отдавать: пропадет он там. На счастье, наш Сан Саныч Черкизов – человек понимающий, добрый, даром что начальник полиции. Говорит, пускай живет при больнице парнишка, пока его никто не хватится. А кто его хватится? Кому он нужен, кроме нас с Ефимычем? Он Лёничку жалеет, одежонку какую-то ему нашел, а я подкармливаю.

– Жалостливая вы очень, Марина Николаевна, – буркнул доктор.

– Я его к себе домой заберу, наверное, – тихо сказала Марина Николаевна. – Что же, что чокнутый? Зато добрый. А главное, будет рядом душа живая. Ведь мне одной до того тяжело бывает! Как начну слезы лить перед Светочкиными фотографиями, так и остановиться не могу. До того доходило, что не раз Бога молила прибрать меня поскорей. А потом как подумаешь: а вдруг вернется доченька?! Ну и живешь в ожидании чуда... Всякие ведь чудеса бывают на свете, правда же?

– Конечно, – горячо поддержал доктор. – Вот мы сейчас с вами истинное чудо совершаем, возвращая к жизни эту девчонку. Ситуация, мягко говоря, фантастическая: в медицинской литературе описано всего два подобных случая. Тотальное обледенение организма! Лежит тело – вроде бы мертвое, окоченелое, разогнуть невозможно, кожа одеревенела, температура едва до двадцати пяти градусов по Цельсию... Я, когда увидел ее в сугробе, уверен был, что находится она, фигурально выражаясь, в небытии, а попросту сказать – мертва. Даже веки ей опустить не мог – так смерзлись, верите ли?! Сан Саныч уже начал пластиковый пакет разворачивать, чтобы, значит, ее туда... и вдруг я гляжу, а у нее по щеке капелька течет. Вроде как смерзшиеся веки оттаивать начали. Но с какой бы радости им оттаивать? Вон какой мороз-трескун на дворе! А оказалось, слезинка это. Слезиночка течет! И признаки жизни мы в ней обнаружили. Ну и привезли сюда. Чудеса и есть, конечно, подлинные чудеса. Чтоб столько времени пролежать в снегу да живой остаться... Суток трое, а то и четверо лежала, не меньше! Наверное, ее завалило, когда с крыш все поползло во время оттепели...

Он не договорил.

Дверь уже знакомо закрипела, и раздался шепот:

– В зимнюю оттепель наливают в ложки воды по числу членов семьи и выставляют на ночь на крыльцо. Если ударит мороз и в чьей-то ложке вода замерзнет бугром, тот проживет еще очень долго, а у кого ямой, тот умрет.

Марина Николаевна ойкнула.

– Брысь! – рявкнул доктор.

Дверь торопливо скрипнула вновь.

– Вот уж правда что чокнутый, – проворчал доктор. – Чего это он приметамы сыплет? Небось у бабки поднабрался?

– Видимо, так, – согласилась Марина Николаевна. – Но ко всему вдобавок книжка тут у нас отыскалась: «Словарь русских суеверий». Зелененькая такая. Еще с тех пор, как здесь была нормальная больница, кто-то из больных оставил. Ну, Ефимыч ее и прибрал. Книжка очень интересная, он и мне ее почитать давал. Я вообще люблю про всякие чудеса, про мифы разные читать... А в этой книжке чего только нет: и приметы, и поверья, и разгадки снов, и пословицы, и знахарские рецепты старинные. Не оторвешься! И с картинками!.. Ну и вот, когда Лёначка тут прижился, Ефимыч вдруг обнаружил, что парень ни читать, ни писать не умеет.

– Да вы что?! – поразился доктор. – В наше-то время?!

– Ну а кому его учить было? – вздохнула Марина Николаевна. – Бабка небось все пере-забыла от старости. А он соображучий, Лёначка наш, вы не поверите! Мигом читать обучился. И этот «Словарь русских суеверий» до последнего слова вы зубрил. Только смысла-то у него в головушке нету, вот и шпарит все подряд, надо и не надо. Мы привыкли, больно-то и не слушаем его. И вы не слушайте, Михаил Иванович.

– Ладно, уговорили, – хмыкнул доктор. – Погодите, а ведь вода у нас опять остыла. Надо добавить теплой. Конечно, когда девочка очнется, простуды ей не избежать...

Дверь снова скрипнула.

– Хорошо помогает от простуды ложка овечьего молока, – таинственно зашептал Лёначка, – смешанная с медвежьей желчью да гороховым зерном, и смесь эту натошак следует пить дважды.

– Х-хе! – воскликнул доктор. – Опять ты? И это тоже из «Словаря суеверий»? Неплохой рецепт, между прочим. Жаль, негде сейчас раздобыть овечьего молока да медвежьей желчи. Однако, выходит, ты можешь и толковые вещи говорить?

– Конечно, может, – согласилась Марина Николаевна. – Правда, Лёначка?

– На Рождество спутывают ноги столу, чтобы стадо не разбежалось, – радостно сообщил Лёначка.

Доктор хохотал так, что Валюшке надоело пребывать в небытии. Да и губы уже немножко отогрелись и вполне могли шевельнуться. И даже какой-то звук через них про-рвался... жалобный такой, как стон.

– Господи! – недоверчиво воскликнула Марина Николаевна. – Очнулась!

– Очнулась! – весело подтвердил доктор. – А ну, голубушка, открой глаза. Ну-ка...

Валюшка поднапряглась – и приподняла веки. Все еще плыло перед ней, но постепенно остановилось. Оказалось, что не только голос доктора ей знаком, но и его лицо – усатое, морщинистое, с нависшей на лоб седой прядью. Да ведь это его, доктора, Валюшка видела, лежа в сугробе, как раз перед тем, когда ее жизненную суть вырвал из тела Гарм.

Ну вырвал... а теперь что? Она вернулась в свое тело?! Так, что ли? Одно ясно – она больше не в Хельхейме, или как его там! Но где же она?!

– Где я? – испуганно шепнула Валюшка, взглянув на темноглазую женщину в низко надвинутой на лоб белой косынке. Наверное, это и была Марина Николаевна.

– Ты только не волнуйся, моя хорошая, – ласково зажурчала она, – ты в больничке. В такой маленькой больничке! Теперь все будет хорошо. Конечно, ты натерпелась, настрада-лась, но главное, что ты жива!

Лицо Марины Николаевны вдруг расплылось, и доктор добродушно загудел:

– Ну плакать-то зачем? Зачем, я тебя спрашиваю?

Марина Николаевна промокнула Валюшкины глаза салфеткой, а потом из-за плеча медсестры высунулась какая-то исключительно бледная и худая физиономия, взглянула на Валюшку прищуренными глазами и изрекла:

– Во сне видеть, что плачешь, предвещает радость и утешение наяву!

– Ой, Лёночка, твоими бы устами да мед пить, – сказала Марина Николаевна. – Но ты иди, иди, нам еще дело делать. Сейчас еще теплой воды добавим, чтобы девочка поскорей отогрелась. Давайте, доктор.

– Сейчас, сейчас.

Доктор наклонился над ванной с ковшом, но Валюшка вдруг закричала:

– Горячо! Жжет! Не надо!

Доктор испуганно отпрянул и воскликнул:

– Да ты что? Вода чуть теплая! Температуры тела! – И в доказательство поболтал в ковше пальцем.

– Нет! – Валюшка билась в ванне так, что Марина Николаевна с трудом могла ее удерживать. Игла выскочила из вены – и мгновенно стало легче.

Валюшка затихла, но дышала тяжело, испуганно.

– Капельница! – испуганно вскрикнула Марина Николаевна, но доктор махнул рукой:

– Не надо.

Посмотрел Валюшке в глаза и тихо сказал:

– Воду больше лить не буду, успокойся. Но я сейчас до твоей руки кончиком пальца дотронусь. Если что-то неприятное почувствуешь, скажи. Договорились?

Валюшка осторожно кивнула.

– Ой, – шепнула Марина Николаевна.

– Ничего, ничего, – буркнул доктор. – Я тихонечко.

В следующий миг Валюшке показалось, что ее руку прижгли горячей сигаретой.

– А-а! Больно! – завопила она.

Доктор отскочил так стремительно, что ударился спиной о стену.

– Господи, у нее ожог! – вскрикнула Марина Николаевна.

Валюшка плакала от ужасной боли, кусала губы.

Доктор, тихо вздыхая, достал из кармана тюбик с какой-то мазью, выдавил немного на руку Валюшке, стараясь не коснуться ее пальцем.

Стало лучше. Валюшка перевела дыхание и улыбнулась.

– Да ты моя деточка! – всхлипнула Марина Николаевна. – Да ты моя маленькая!

Потянулась было обнять Валюшку, но доктор так шикнул, что она отпрянула и даже убрала руки за спину.

– Слушай, девочка, нужно температуру тебе измерить, – сказал доктор. – Сейчас опущу в воду термометр, сама его под мышку возьмешь?

– Ага, – прохрипела Валюшка.

Пока она держала термометр, доктор и Марина Николаевна о чем-то шептались. О чем именно, Валюшка, конечно, не знала, но можно было не сомневаться: это имеет отношение к ней.

Наконец она подала термометр доктору.

Тот взглянул и спросил Марину Николаевну:

– А он исправный был?

– Конечно.

– Дайте другой, – велел доктор. – А лучше сразу два. Для чистоты эксперимента.

Теперь Валюшка сидела с двумя термометрами, а доктор и Марина Николаевна на нее смотрели.

Потом они уставились на градусник, переглянулись...

– Загадочно, – пробормотал доктор. – То есть вообще температура не поднимается. Даже не шевелится. Даже до начала шкалы не доползла. Что ж нам с тобой делать, а? Как тебя зовут, кстати?

– Валентина Морозова, – сказала Валюшка.

Марина Николаевна тихо ахнула.

– Морозова?! – воскликнул доктор. – Символично!

Скрипнула дверь, и раздался Лёничкин шепот:

– На двенадцатой плечи мороз лопается.

– Чего?! – испуганно обернулся доктор.

– Когда стоят лютые холода, – пояснил Лёничка, – надо насчитать с вечера двенадцать лысых поименно, назвав последним самого лысого, у которого голова как ладонь, от бровей до затылка: на нем-то мороз и лопнет!

– Слушай, парень! – неприветливо сказал доктор. – А не пойти ли тебе отсюда... лысых искать? А?

Дверь снова заскрипела, закрываясь.

* * *

Конечно, Валюшка и раньше бывала в больницах. Не часто, но бывала. Например, детдомовских строем водили к зубному врачу или флюорографироваться. И Валюшка думала, что все больницы огромные, со множеством кабинетов, врачей и пациентов. Но то место, куда она попала, было совершенно другим.

Оказывается, когда-то здесь размещалась небольшая больница. Но врачи жить в Городишке не хотели, вдобавок здание обветшало до крайности... Его все собирались отремонтировать, даже стеклопакеты вставили в окна по фасаду, а другие стороны здания не тронули, так что в некоторых палатах или кабинетах одно окно могло оказаться со старыми деревянными рамами, все затянутое белыми морозными узорами, а одно – чистенькое, со стеклопакетом.

А потом начальство вдруг решило, что проще и дешевле больницу закрыть. Так что в Городишке остались только лаборатория для сдачи экстренных анализов и приемный кабинет терапевта. Ну и еще старый-престарый морг. Иногда туда на время отвозили кого-нибудь из умерших городишкинцев – скажем, в летнюю жару, чтобы перебыл до дня похорон. А вообще-то после закрытия больницы там до сих пор хранились четыре мертвых тела каких-то неизвестных бродяг – «подснежников», как называл их доктор Михаил Иванович Потапов. Хоронить их не хоронили – не на что было, денег в городском бюджете на это не имелось. Сан Саныч Черкизов, начальник полиции, впрочем, не терял надежды найти родственников этих людей, куда-то посылал казенные письма, ну а пока покойники оставались под присмотром санитаров, а по совместительству сторожа морга Ефимыча.

Ефимыч, надо сказать, не очень-то хотел, чтобы родственники «подснежников» нашлись. Он к своим «постояльцам» уже привык и даже придумал им не то имена, не то прозвища: Бородач, Старикан, Конопатая Толстуха и Пятнистая Молчунья. Когда Валюшка спросила, почему он дал этой последней такое странное прозвище, Ефимыч словоохотливо пояснил, что бедняжка вся покрыта разноцветными синяками. Оттого она и Пятнистая.

– Ну а Молчунья, сама понимаешь, потому, что вообще все постояльцы мои не больно-то разговорчивы, – добавил Ефимыч.

Семьи у него не было. Жил при больнице: после того как его дом несколько лет назад сгорел, больше податься Ефимычу было некуда. Вместе с ним в той же камере рядом с моргом приютился и приبلудившийся Лёничка.

Обязанности терапевта исполнял доктор Михаил Иванович Потапов. Также он мог вскрыть флегмону, вправить и зафиксировать вывихнутую конечность, остановить кровотечение, удалить зуб, зашить рваную рану, а заодно – вернуть к жизни замерзшего человека.

В этом Валюшка убедилась на собственном опыте!

Марина Николаевна принимала анализы в маленькой лаборатории, а еще помогала доктору Потапову на приеме пациентов.

Через день-два после того, как нашли Валюшку, приехал врач из Нижнего Новгорода – тоже специалист по обморожениям. Он одобрил действия Потапова и хотел было увезти Валюшку в городскую больницу, но, узнав некоторые детали, отступился и отбыл, пообещав справляться о ее состоянии по телефону и поручив ее заботам доктора Потапова и Марины Николаевны. До лучших времен, как он выразился.

Приезжали также из детдома, куда о месте нахождения беглянки Валентины Морозовой сообщил по долгу службы Сан Саныч; порадовались, что девочка нашлась, немножко поругали за побег, однако с собой также забирать не стали – по той же причине, что и городской доктор. И тоже оставили возвращение Валюшки до каких-то лучших времен.

– Объяснить это явление невозможно, но, если мы его наблюдаем, в него придется поверить, – так говорил доктор Михаил Иванович о том, что произошло с Валюшкой. А произошло с ней всего-навсего «глобальное охлаждение организма, вызвавшее температурные аномалии». Так это называл доктор. А говоря по-человечески – во время своего лежания в сугробе Валюшка до такой степени переохладилась, что нормально чувствовала себя теперь только в холоде. Скажем, плюс 10 – это для нее была жарница невыносимая, от которой Валюшке хотелось натурально лечь и умереть. Все, что ниже, ей вполне годилось – и чем ниже, тем лучше. Именно поэтому ее не забрали ни в областную больницу, ни в детдом. Не строить же там для нее, в самом-то деле, особые морозильные комнаты!

И Валюшка, и Михаил Иванович, и Марина Николаевна иногда начинали раздумывать, как же она будет жить, когда весна настанет, а затем и лето, однако доктор твердо верил, что организм Валюшки рано или поздно приспособится к окружающей температуре и все в нем придет в норму. То есть вполне можно было надеяться на те самые лучшие времена.

Однако, если честно, Валюшка предпочла бы, чтобы они не наступили. Ни ехать в больницу, ни в детдом возвращаться ей решительно не хотелось!

Марина Николаевна сначала думала забрать Валюшку жить к себе, однако по некоторым обстоятельствам сделать этого не удалось. Ведь никто из соседей (а жила Марина Николаевна в одном из немногих городишкинских многоквартирных домов со всеми удобствами и собственной котельной) не одобрил бы, если бы в их доме вдруг взяли да отключили отопление! Так что во всей квартире Марины Николаевны было только одно место, где Валюшка хорошо бы себя чувствовала: в холодильнике.

Но там она просто-напросто не поместилась бы.

А вот в больнице отопления не было аж с прошлого года. Перемерзли трубы – ну и перемерзли. Ничего ремонтировать в этом никому особо не нужном здании не стали, да и денег лишних не нашлось. В кабинете терапевта и маленьком коридорчике около него стояли калориферы, а еще один обогреватель поставили было в курятнике Ефимыча, да он вскоре сломался.

Надо сказать, что, когда дом Ефимыча сгорел, из всего добра ему удалось спасти только трех кур и петуха. Их сторож забрал с собой и устроил в опустевшей бухгалтерии птичник. Честное слово: на двери до сих пор висела тусклая табличка с надписью «Бухгалтерия», а из-за двери раздавалось суетливое кудахтанье.

Курятник Ефимыча вел себя странно. Несушки совершенно не неслись, а петух спал без просыпу чуть ли не до полудня и практически не кукарекал. Ефимыч считал, что на птиц отрицательно влияет невыразимая холодина, которая царит в здании.

– У нас везде как в морге! – гордо заявлял Ефимыч, который служил здесь лет, не соврасть, пятьдесят – и очень хорошо себя чувствовал в ледящей душу и тело температуре.

Однако если Валюшка легко обходилась футболкой и джинсами, которые ей купила Марина Николаевна, то и Ефимыч, и поселившийся в его комнатке Лёничка все же надевали на себя что-то более существенное: валенки, ватные штаны, теплые свитера (на Лёничке свитер толстого Ефимыча болтался как на вешалке, а рукава прикрывали кончики пальцев) и меховые жилетки. Ефимыч вдобавок напяливал старый треух, а Лёничка так и ходил с непокрытой белобрысой головой.

– Вы ну прям как брат и сестра, – говорил Ефимыч, глядя на них с Лёничкой. – И у того волосы льняные – и у этой. У того глаза голубые – и у этой.

– Не знаю, вроде бы у меня брата не было, – вздыхала Валюшка, которой, конечно, очень хотелось, чтобы у нее взял да и нашелся брат. Сгодился бы даже такой, как Лёничка: откровенно чокнутый, но очень добрый и забавный.

Валюшка не могла удержаться от смеха, когда он проходил через больничный коридор на первом этаже. Там висело старое-престарое зеркало, настолько кривое, засиженное мухами, да еще и треснутое, что в нем практически невозможно было что-то различить. Ну и Лёничка мимо этого зеркала бегом бежал, старательно отворачиваясь и даже рукой прикрываясь, чтобы в него, не дай бог, не глянуть ненароком.

– Лёничка, а чего ты так зеркала боишься? Может, ты там вообще не отражаешься? Может, ты вампир, а? – иногда начинала подначивать Валюшка, и тогда Лёничка обращал к ней слезящиеся голубые глаза и неизменно твердил:

– Нет ничего страшнее, чем смотреться в разбитое зеркало, ибо можно черта увидеть!

Лёничка совершенно не говорил по-людски: все шпарил поговорками да старинными приметам. Иногда приметы были очень толковые и даже сбывались – особенно те, которые предвещали похолодание или снег.

– Вороны каркают и в стаи сбиваются – быть морозу! – предсказывал Лёничка, и нате вам – ударял мороз.

– Если Млечный Путь полон звезд и светел – к ведру, тускл – к ненастью! – пророчествовал он, и в самом деле: если звезды с вечера еле светили – вскоре небо затягивала белая снежная пелена.

Оказывается, даже куры могли погоду предвещать! Иногда Ефимыч доверял покормить своих птиц Лёничке. И тот, возвращаясь, сообщал:

– Если курица стоит на одной ноге – к стуже.

И пожалуйста! Доктор и Марина Николаевна прибежали в больницу, стуча зубами, и восклицали:

– Ну и холодище! И когда только зима кончится?! А ведь еще декабрь не истек!

В общем, Лёничка порою изрекал очень интересные и осмысленные вещи, но иногда как ляпнет что-то вроде:

– Надетая в пятницу новая рубаха приманивает блох!

И тут уж Валюшка никак не могла удержаться от смеха.

Лёничка обижался, уходил в каморку Ефимыча, садился в уголок и читал свою заветную книжку «Словарь русских суеверий», даже головы не поворачивая, если Валюшка приходила.

Впрочем, Валюшка и без Лёнички не скучала. Марина Николаевна принесла ей небольшой телевизор и даже плеер – чтобы диски смотреть – и поставила в той палате, которую приспособили под Валюшкину комнату. Принесла из библиотеки учебники для седьмого класса, а из дома – книги: это были любимые книги ее пропавшей десять лет назад дочери.

– Если Светочка вернется, я их, конечно, заберу, – предупредила она, и Валюшка кивнула, хотя знала, что все давно потеряли на это надежду, вот только Марина Николаевна ждала и ждала дочь.

И в этой комнате Валюшка могла сидеть часами – просто так, ничего не делая, потому что это было необыкновенно, просто сказочно: иметь свою собственную комнату! В детдоме их было шестнадцать человек в одной общей спальне. Все строим, всё по приказу воспитательницы – даже смех и радость...

Валюшка вспоминала: когда задавали рисунок на тему «Счастье», все рисовали отдельный дом и рядом каких-то мужчину и женщину – будто бы маму и папу, о которых все мечтали. Она тоже что-то такое неопределенное изображала. Но теперь нарисовала бы Михаила Ивановича, Марину Николаевну, Лёничку с Ефимычем, а еще, наверное, Сан Саныча. И не просто какой-то дом, а эту комнату с большим окном, и кровать в углу, и кресло, которое тоже принесла Марина Николаевна, и диван (он раньше в кабинете главврача стоял), и настольную лампу из того же кабинета, и полку с книгами и дисками. Сан Саныч обещал, что ближе к Новому году принесет сюда елку, а пока сделал поистине царский подарок – все фильмы про Гарри Поттера и еще «Аватар». Оказывается, у него летом жил племянник и оставил все свое добро до следующих каникул.

– Только вряд ли Валерка сюда снова приедет, – вздохнул Сан Саныч. – Так что пользуйся безвозмездно сколько хочешь.

– А почему он не приедет? – спросила Валюшка. – Здесь летом, наверное, хорошо.

– Хорошо-то оно хорошо, – кивнул Сан Саныч, – да только мы прошлым летом таких ужасов натерпелись, что на всю жизнь запомнили. А Валерке больше всех досталось.

Валюшка надеялась, что Сан Саныч расскажет ей эту историю, но он помалкивал. А остальные ничего толком не знали: будто бы эмчезовцы проводили какие-то учения на острове посреди Волги, да что-то там странное приключилось. Привезли откуда-то каких-то зеленых зайцев и потерявших память голых людей...¹ в общем, полная чушь!

Валюшка согласилась, что чушь, и перестала спрашивать.

При том, что она всех своих новых друзей очень любила и ни за что не хотела бы расстаться с ними, Валюшка искренне наслаждалась одиночеством. Даже необходимость иногда заглядывать в учебники не отравляла ей жизнь! Она проводила наедине с собой долгие часы в полной тишине (только росший около больницы старый ясень иногда постукивал в окошко ветвями, на которых кое-где болтались пожухлые метелки семян) и не скучала. Было настоящим счастьем принимать решения самой, даже такие незначительные, как идти или не идти гулять! Понять Валюшку мог бы, наверное, только тот, за кого тринадцать лет жизни принимали решения учителя и воспитатели. В те времена Валюшке казалось, что у них, у воспитанников, своего ума вообще нет – только некий «коллективный разум», которым управляют взрослые, нарочно оставляя своих подопечных какой-то туповатой малышкой. Валюшка точно знала, что первым самостоятельным поступком в ее жизни было бегство из детдома. И теперь, когда каждый день состоял из мелких, но самостоятельных решений, она чувствовала, как развивается, крепнет ее ум.

Валюшка часто обдумывала тот ужас, который привиделся ей, когда она лежала, оочневшая, в сугробе.

Конечно же, это был только сон! Очень страшный и кошмарный, но сон. Чем больше времени проходило с тех пор, как Валюшка очнулась, тем отчетливей она это понимала. Она вспомнила, как еще в детдоме наткнулась в библиотеке на какую-то журнальную статью о том, что видят люди, переживающие клиническую смерть. Они рассказывали о каком-то

¹ Об этой истории можно прочитать в повести Елены Арсеньевой «Остров потерянных душ».

темном коридоре, о каких-то огнях и странных голосах, о призраках... Ну вот, они видели темные коридоры, а Валюшка – какой-то там Хельхейм.

Странное название ей приснилось! Похожее на шелест поземки по льду... И вообще все было странно и страшно в том сне. Очень хорошо, что он больше не снится!

Таким же чудом, как возможность иметь свою комнату, наслаждаться одиночеством и размышлять, были еще три вещи.

Во-первых, телевизор смотреть никто не запрещал – хоть с утра до вечера и всю ночь напролет сиди перед ящиком.

Во-вторых, Валюшка могла есть мороженое сколько влезет. Это была теперь ее главная еда, просто фантастика! Каждый день порции по четыре съедала!

Мороженое в ее комнате хранилось в картонной коробке, которая стояла под окном. Там было так холодно, что мороженое не таяло.

А в-третьих, Валюшка могла гулять... гулять одна, в каком угодно направлении и сколько угодно времени. Никакого строя и сурового «детинампоравозвращаться»!

Марина Николаевна только умоляла ее держаться подальше от домов, на крышах которых громоздились сугробы и висели сосульки. А поскольку таких домов в Городишке было большинство, Валюшка шла в основном по обочине проезжей части, благо дорога была не больно-то оживленной, пока не переходила в федеральную трассу.

Идя вдоль этой трассы, можно было довольно скоро попасть на просторный речной берег. Сразу у дороги поднималось из сугробов какое-то несуразное строение с полинялой вывеской «У Фани». Должно быть, когда-то здесь было небольшое кафе, а потом его то ли закрыли на зиму, то ли вовсе забросили. На берегу, почти напротив бывшего кафе, виднелся огромный старый-престарый дебаркадер² – облезлый, давно потерявший первоначальный цвет. Чуть поодаль торчали прямо из снега почерневшие перила. Наверное, там был погребен в сугробах небольшой причал для лодок. Вообще весь берег был сплошь покрыт снегом, однако рыбаки протоптали к воде множество причудливо сплетающихся тропинок.

Валюшка уже знала, что Городишко исстари жил браконьерством, особенно летом. Судя по рассказам Сан Саныча, как потеплеет, много народу из Нижнего наезжает, да так все лето и проводит у реки, а дома, которые сейчас кажутся необитаемыми, оживают. Но и зимой речной лед был испещрен пятнами прорубей. В ясные дни около них несходно сидели люди в тулупах и валенках, то и дело странно взмахивая правой рукой, а порою и высоко вздергивая ее – с болтающейся на крючке щукой.

Валюшка однажды подошла и полюбопытствовала, что же это они делают и почему машут руками. Оказывается, у каждого рыбака было короткое удилище, а леска у него, как объяснил Валюшке один словоохотливый рыбак, очень длинная: такая, что блесна в виде маленькой серебристой рыбки ложится на дно. Чтобы рыбка поблескивала и казалась щуке живой, чтобы щука захотела на нее броситься и, значит, попасться на крючок, блесну надо постоянно вздергивать, шевелить. Вот рыбаки и помахивают рукой, отчего сама удочка называется «махалка».

Этот словоохотливый рыбак даже показал Валюшке полосу чистого, свободного от снега льда (такие полосы причудливо вились между сугробами, и было невозможно понять, почему где-то снег громоздится сугробами, а где-то даже не задерживается на льду), и она, встав на колени и низко-низко нагнувшись, разглядела под толщей темной воды, между колышущимися на дне растениями, серебряный промельк рыбки-блесны.

А когда Валюшка выпрямилась, рыбак уставился на нее так ошарашенно, словно только что ее увидел, и воскликнул:

² Дебаркадер – плавучая пристань в виде большого судна с двумя или тремя палубами, которая обычно стоит у берега. Через дебаркадер проходят с берега на корабли.

– А я-то думаю, что ж в тебе такого странного?.. Ты чего так легко одета?! Неужели не холодно?!

Ну да, он сидел около своей проруби в тулупе, ушанке и валенках, а Валюшка стояла перед ним с непокрытой головой, в кроссовках, джинсах и ветровке. Все это купила ей Марина Николаевна. Она и новую теплую зимнюю куртку купила (очень красивую, не то что невзрачная детдомовская, которая у Валюшки раньше была!), только в ней было очень жарко...

Вообще чуть ли не все, кто видел Валюшку на улицах, начинали расспрашивать, не холодно ли ей, не сошла ли она с ума и не желает ли отморозить руки, ноги, уши и прочие части тела.

Еще спасибо, что не спрашивали, почему у нее на морозе не вырывается парок изо рта, как у всех нормальных людей!

Ну что ответишь людям? Не станешь ведь каждому рассказывать свою историю и сообщать, что ты, прямо скажем, не вполне нормальная! Поэтому Валюшка предпочитала гулять в туман. Ведь в это время улицы Городишка почти вымирали, а уж берег и вовсе пустовал. И на льду никто не сидел, и к Валюшке никто с дурацкими вопросами не приставал. Такое ощущение, что тумана в Городишке боялись – хотя как можно бояться едва заметной белесой дымки, которая и видеть-то ничего не мешала?

И вот однажды в такой приятный туманный денек Валюшка собралась спокойно прогуляться.

Лёничка, встретившийся ей в коридоре со своим словарем-неразлучником, поглядел вприщур и пробормотал кислым голосом:

– Под стреху сорока лезет – к вьюге.

Валюшка насторожилась было – неужели погода испортится? – однако Лёничка, по своему обыкновению, тут же брякнул несусветное:

– В метель черти кружатся в снежных вихрях вместе с ведьмами и колдунами.

Валюшка только плечами пожала и пошла своей дорогой.

Лёничка крикнул вслед:

– Видеть во сне прорубь есть знак великой опасности! – но Валюшка даже не оглянулась.

Надоело, честно! Слова просто так не скажет – все несет какую-то пургу!

Валюшка долго бродила по берегу. Было очень интересно петлять по причудливым тропинкам, оказываясь совсем не там, куда направлялась сначала.

Внезапно она заметила какое-то движение на льду. Пригляделась – и увидела вдали две приближающиеся к ней темные фигуры.

В первую минуту она удивилась: неужели кто-то из жителей Городишка все же вышел в туман на лед? – однако через некоторое время разглядела, что это двое мальчишек. Причем совсем маленьких. И они шли одни, без взрослых.

Валюшку даже в жар бросило. Там ведь проруби кругом! А вдруг поскользнется кто-то и провалится?!

– Эй, вы! – крикнула она, помахав им. – Осторожно! Под ноги смотрите!

Дети замерли. Похоже, они только сейчас осознали опасность.

– Вот кто их, интересно, таких маленьких, отпустил одних? – проворчала Валюшка. – Может, они тоже детдомовские, как я?

Впрочем, в Городишке детдома не было. Значит, просто родители у них такие безалаберные, что за детьми не смотрят.

Но малышню придется выручать. Вон как напугались, бедолаги: встали и стоят, будто с места сдвинуться не решаются.

Валюшка побежала по тропинке, ведущей на лед, и невесть откуда взявшийся ветер ретиво подгонял ее.

Что-то чернело сбоку. Валюшка глянула туда – и чуть не упала. В оледенелом сугробе лежала мертвая черная собака с оскаленной пастью. Лежала она здесь, наверное, уже давно – ее почти занесло снегом.

Валюшка передернулась, отвернулась и хотела было обойти этот сугроб, как вдруг увидела, что дети сорвались с места и помчались к ней, держась за руки и совершенно не глядя, куда бегут.

– Стойте! – крикнула она. – Я вас проведу! Стойте!

Но было поздно! Один из мальчиков поскользнулся на краю проруби и сорвался в нее, утащив за собой второго.

Черная вода в белом ледяном круге всплеснулась – и улеглась...

– Нет! – закричала Валюшка и кинулась вперед не разбирая дороги.

Она даже не замечала, что плачет, пока не обнаружила, что все плывет перед глазами. Остановилась, смахнула слезы, огляделась.

Там и сям темнело несколько прорубей. Но в которую из них провалились дети?..

– Что же делать? Что же делать? – бормотала Валюшка, растерянно озираясь.

Она металась между прорубями, всматривалась то в одну, то в другую, но никто не пытался из них выбраться и вода в каждой была спокойна и подернута тонким ледком. Он успевал затянуть пробуренные за ночь. Когда рыбаки приходили, они первым делом кололи ледок пешней и вычерпывали его специальным черпаком.

Проруби подернуты ледком?.. Но если бы в прорубь кто-нибудь провалился, ледок треснул бы, вдруг осознала Валюшка.

Значит, никто не провалился!

Неужели дети померещились ей? Да, наверное, померещились.

Туман... вот почему здесь боятся тумана. В тумане невесть что мерещится!

Внезапно Валюшка заметила, что оказалась на чистой полосе льда, не покрытой снегом. Стоя на такой же полосе, она недавно разглядывала рыбку-блесну.

Вот и теперь что-то смутно белело внизу. Блесна у кого-то сорвалась? Нет, белое пятно медленно поднималось вверх...

Что это? Лицо?! На нее из-под льда смотрело чье-то лицо!

Валюшку вдруг перестали держать ноги, и она плюхнулась на колени. Лицо приблизилось, теперь она видела его совершенно ясно.

Это было лицо ребенка – мальчика лет пяти. Его глаза были вытаращены, рот широко открыт, светлые волосы стояли дыбом и медленно шевелились, словно подводные растения.

Он был мертв, этот малыш... и своими мертвыми ручонками он сжимал руки другого мальчика, у которого тоже были вытаращенные глаза и широко открытый рот. И волосы у него точно так же шевелились.

Подводное течение медленно поворачивало тела, и теперь Валюшка увидела, что малыши одеты в одинаковые черные шубки... а через миг она разглядела, что один обут в валенки, а второй остался лишь в толстых шерстяных носках.

И Валюшке почудилось, что она снова стоит под осклизлыми древесными корнями, обвивающими трупы людей и животных... что она снова в Хельхейме! Ведь именно там она видела этих несчастных детей!

Валюшка вскочила и понеслась к берегу. Снежный вихрь несся навстречу, завиваясь белыми кольцами, но прямо на ее пути рассеялся по сугробам.

Внезапно послышался какой-то странный треск. Похоже было, что где-то рядом рвется ткань – но какая ткань могла рваться на заснеженном берегу?!

Валюшка повернула голову и увидела... увидела, что мертвая собака, которую она видела в сугробе, пытается встать. Однако шкура ее примерзла к снегу и при резких движениях собаки отрывалась кусками. Поэтому и слышался треск.

Пес наконец поднялся и стоял теперь на подгибающихся лапах, качаясь под порывами ветра. Бока его в тех местах, где шкура осталась примерзшей к снегу, зияли тускло-красными пятнами.

Поднял голову. Из оскаленной, застывшей пасти вырвалось хриплое рычание.

А потом пес двинулся к Валюшке.

Она отпрянула – и чуть не рухнула в сугроб. Неведомо как удержалась на ногах, снова выбралась на тропинку.

Собака приближалась рваными, неуклюжими, какими-то замороженными скачками.

Валюшка побежала от нее к реке, но собака не отставала. Глядела тусклыми, мертвыми глазами, исторгала из оледенелой разинутой пасти натужный хриплый рык и бежала все проворней, все быстрее, неудержимо приближаясь к Валюшке.

И вдруг до нее дошло, что пес загнал ее на лед и теперь гонит к прорубям!

Она остановилась, обернулась, пытаясь понять, как вернуться на берег, как обойти это чудище, – и тут кто-то закричал невдалеке:

– Стой где стоишь!

Человеческий голос.

Знакомый голос...

Голос Сан Саныча!

Валюшка застыла, опасаясь даже случайно взглянуть вниз, на чистый лед, чтобы снова не увидеть под ним призраков Хельхейма, явившихся за ней, явившихся, чтобы забрать ее, – теперь она понимала это!

– Помогите! – заорала Валюшка и увидела высокую, широкоплечую фигуру Сан Саныча, который казался еще мощнее из-за толстой форменной темно-серой куртки.

Пес оглянулся было на берег – и вдруг вздыбился, замер на задних лапах. Тотчас лежащий вокруг снег собрался вокруг его туловища искрящимся вихрем и взвился вверх. Полетел над берегом и исчез где-то за старым дебаркадером. А рядом с Валюшкой остался неподвижно лежать на льду мертвый черный пес.

Она тупо таранилась на него, пока Сан Саныч не подбежал к ней, не схватил за плечи и не потрянул сердито:

– Ты чего творишь?! Нашла место для прогулок! Да еще побегать решила туда-сюда! Свалилась бы в прорубь – и поминай, как звали! Даже доктор Потапов не откачает!

– Собака, – кое-как выговорила Валюшка. – Меня загнала сюда собака!

– Какая еще собака? – удивился Сан Саныч. – Никакой собаки здесь не было.

– Была!

– Вот эта, что ли? – Сан Саныч брезгливо кивнул на мертвого пса.

– Эта! – взвизгнула Валюшка, у которой не осталось сил сдерживать слезы, да еще вдобавок что-то кому-то доказывать.

– Ну да, вот только дохлятина у нас еще тут не бегала! – буркнул Сан Саныч. – Несешь невесть что, прямо как этот Лёничка чокнутый ваш. Ладно, пошли.

Он осторожно приобнял Валюшку за плечи и повел к берегу.

Когда проходили мимо сугроба, из которого недавно выбрался дохлый пес, Сан Саныч вдруг замер.

Валюшка поняла почему: он усталился на оставшиеся в сугробе примерзшие куски черной собачьей шкуры!

– Что за чертовщина? – внезапно севшим голосом пробормотал Сан Саныч, оглянувшись на лед, где осталась лежать мертвая собака, но больше ничего не сказал, только ускорил шаги.

По узким тропинкам идти вдвоем было невозможно, поэтому Сан Саныч подхватил Валюшку на руки и понес. Ей сразу стало очень жарко, но она терпела, молчала, уткнувшись в толстое ватное плечо куртки Сан Саныча, потихоньку приходя в себя от пережитого ужаса.

– А может, и дохлятина бегать начала, – пробормотал вдруг Сан Саныч, как бы говоря сам с собой, но тут же осекся: – Чего это я несу? Не слушай меня.

Издали донесся чей-то крик.

Валюшка подняла голову.

– Да это же Лёничка! – изумленно сказала она.

И в самом деле – он бежал к ним от дебаркадера: высокий, худой, в меховой жилетке и смешных валенках, подшитых кожей. Его льняные волосы развевались по ветру.

Когда Сан Саныч с Валюшкой на руках подошел ближе, Лёничка выкрикнул:

– Собака снится к дружбе или приятной вести. Если приснится черная или серая собака, то это к несчастью; воющая – к плохой новости.

Сан Саныч пристально взглянул на него:

– А ты что, тоже собаку видел?

Лёничка похлопал слезящимися глазами и сказал:

– Если ребенок умрет некрещеным, нужно раздать бедным сорок тельных крестов.

– Ну да, конечно, дождешься от тебя чего путевого! – буркнул Сан Саныч и пошел к обочине, где стоял его джип.

Лёничка побрел следом.

* * *

– Марина Николаевна, – попросила Валюшка после обеда (холодный овощной суп со сметаной, студень из свиных ножек и мороженое), – а вы не могли бы показать мне фотографию своей дочки? А то ее любимые книжки я читаю – «Старшая сестра» мне очень понравилась и еще «Поезд солнца»³! – а даже не знаю, какая она...

Слово «была» Валюшка постаралась не произнести. А вдруг она ошибается?! Вдруг все ее догадки – просто ерунда?

Она долго обдумывала эту просьбу. Очень боялась, что Марина Николаевна расплачется, и даже для начала перевернула все книги Светланы в надежде, что вдруг там да завалялась фотография их хозяйки, но ничего не нашла. Поэтому все-таки решилась попросить.

Ей очень нужно было увидеть Свету!

Однако Марина Николаевна не расплакалась, а даже улыбнулась:

– Милая ты моя деточка, конечно, я тебе охотно покажу Светочкины фотографии.

И вскоре пришла к Валюшке одетая потеплей, в шали, перчатках и с маленьким альбомчиком. Села рядом на диван, и они стали перелистывать страницы.

– Вообще-то у меня очень много Светочкиных фотографий, – сказала Марина Николаевна, – но сюда я выбрала самые любимые за всю ее жизнь. Правда, она хорошенькая? Копия ее отец, муж мой покойный. У меня волосы, видишь, просто русые, хотя сейчас уже седые совсем, а папочка Светин был рыжий. Как она.

Да, Света оказалась рыжеволосая, зеленоглазая, стройненькая, длинноногая. Она и маленькой была хорошенькая, а потом, когда повзрослела, стала настоящей красавицей.

³ «Старшая сестра» – детская повесть советской писательницы Любви Воронковой; «Поезд солнца» – повесть итальянской писательницы Рене Реджани.

Собственно говоря, Валюшке стало все ясно с той самой минуты, когда она увидела первую же фотографию, но она продолжала их рассматривать, слушая рассказ Марины Николаевны о том, как росла ее дочка, как выросла, как в школу ходила и даже поступила в университет.

– Она жила в Нижнем, в общежитии, – рассказывала Марина Николаевна, – и один раз написала мне, что влюбилась в какого-то там мальчика. И спросила, можно ли на зимние каникулы с ним приехать, с Димой с этим, – на лыжах покататься. У нас тут, за Городишком, по другую сторону дороги очень красивые леса и холмы, на лыжах кататься – лучше не придумаешь! Я, конечно, разрешила. Очень интересно было на Диму посмотреть. Ну вот они и приехали: Светочка, Дима и Светочкина новая подружка, Лариса. Она в Нижнем жила... да и сейчас там живет, – Марина Николаевна тихонько вздохнула. – Конечно, у нас всего две комнаты, но ничего, как-то устроились. Я к соседке спать пошла. Переночевали, а наутро Светочка и гости собрались в лес – покататься. Я этот день – десятое января – навсегда запомнила... Перед тем как уйти, дочка попросила их всех вместе сфотографировать. Будто чувствовала, что на прощание... Вот эта фотография.

Марина Николаевна перевернула последнюю страницу альбома и показала Валюшке снимок.

Увидев его, Валюшка на миг дышать перестала. На нем были изображены две девушки и парень.

Это, значит, Дима. Симпатичный такой, светловолосый...

Но Валюшка на него только мельком глянула. Она смотрела на девушек.

Лариса оказалась смуглой, с черными коротко стриженными волосами и черными глазами. Она, похоже, не очень хотела фотографироваться: глядела в камеру хмуро, – зато Света так и сияла! Она была одета в теплые черные рейтузы, лыжные ботинки, короткую красную меховую курточку и красную вязаную шапку с большим белым, похожим на хризантему помпоном.

Да.

Все правильно.

Валюшка угадала правильно...

Это она. Та самая девушка из Хельхейма!

Та самая, которая ее предупредила насчет Цинги!

Сердце так колотилось, что Валюшка на некоторое время даже перестала слышать голос Марины Николаевны.

– Что вы сказали? – пробормотала наконец.

– Говорю, что так и не вернулась с той прогулки Света, – печально повторила Марина Николаевна. – Катались они, катались, потом поднялись на одну гору, а с нее три лыжни ведут в разные стороны. Ну и поехали каждый по своей. Потом Дима с Ларисой встретились у подножия, а Светы все нет. Стали ее искать, звать, сначала вместе, потом разошлись, а она не отзывается. И нигде ее не было. Темнеть начало, снег пошел. Тогда они вернулись в Городишко, потому что наших мест не знали и боялись заблудиться в лесу.

Я сразу бросилась к Сан Санычу. Он народ собрал, все в лес пошли с фонарями – да толку-то? Настоящий буран разыгрался. Ночью не нашли Светочку, вернулись. Я уходить не хотела, меня Сан Саныч силой увез.

Чуть рассвело – снова в лес отправились. И опять не нашли мою дочку. Светочка пропала...

Валюшка испугалась, что Марина Николаевна сейчас заплачет, но она только прерывисто вздохнула и снова заговорила:

– Исчезла бесследно! Ефимыч – он из здешних старожилов – вспомнил, что дед ему рассказывал: будто около той горы, с которой ребята катались, когда-то, очень давно, был

какой-то провал. Вроде как трещина в земле. И, бывало, собаки пропадали, а то и люди. Давно, в старые времена. Ну и подумали, что Светочка туда провалилась.

– Но ее искали там?! – напряженно спросила Валюшка.

– Конечно. Спускались в эту ямину. А там вниз еще одна трещина уходит – скользкая, как ледяная горка! Один из специалистов, кто туда лазил, едва не сорвался. Чудом его спасли. Выбрались на поверхность, решили прийти наутро с каким-то более сложным снаряжением. А ночью лег туман – ну и наутро даже и следа той трещины не нашли!

– Как это? – удивилась Валюшка.

– Да разве ж я знаю? – пожала плечами Марина Николаевна. – Я и сама сколько раз туда ходила. Я бы в ту трещину спустилась, да тоже ее не нашла. Дед-то Ефимыча говорил – то откроется эта трещина, то закроется. У нас места диковинные... остров этот один чего стоит, откуда туман идет! Значит, не только остров такой. Ну вот, так и не нашли мою дочку. А я думаю: может, никуда она не провалилась? Может, ее похитили? Может быть, затолкали в машину да увезли. И она когда-нибудь вернется...

Валюшка хотела спросить, кто мог проезжать на машине по глухому лесу, но прикусила язык.

Если Марина Николаевна в это верит – пусть верит. Но Валюшка знает, что Света не вернется никогда...

– Хожу в церковь, – тихо сказала Марина Николаевна, – ставлю свечечки во здравие. Жалею, страшно жалею, что мужа в свое время послушалась и не окрестила Светочку. Может быть, Господь услышал бы мои молитвы, отыскал бы мое дитя?.. Но я все-таки жду и жду. А больше никто не ждет. Время идет, и жизнь идет. Дима с Ларисой поженились. Ребенок у них уже...

– Поженились? – тихо повторила Валюшка, чувствуя, что слезы наворачиваются на глаза от жалости.

Интересно, горевала Лариса оттого, что Света пропала? Или обрадовалась, потому что сама была влюблена в Диму?

Теперь не узнать... Да Свете уже все равно! Ее нет в живых, и даже тело ее уничтожено айсбайлем. Жаль, что они занимались таким страшным делом, эти айсбайли! Вместо того чтобы словно какие-то злобные вандалы уничтожать трупы, лучше бы громили сам Хельхейм!

А вот интересно, что это такое? Что значит это название? Как бы узнать?

В фильмах, которые Валюшка смотрела, и в книгах, которые она читала, герой или героиня, шустрые такие ребятки, набирали нужное слово в поисковике компьютера – и мигом всё про всё узнавали.

Причем у них у каждого был свой собственный компьютер! Или даже планшет. Или хотя бы мобильник с Интернетом.

Но у Валюшки не имелось ни мобильного, ни планшета, и вообще она была с компьютером очень даже на «вы». На такое старинное-престаринное «вы» – с приседаниями и реверансами. Наверное, ей бы лет сто понадобилось, чтобы что-нибудь узнать через Интернет. Ну не было у них в детдоме персональных компьютеров! В некоторых классах стояли – но просто для мебели. Пользоваться ими не разрешали. А интерактивная доска в кабинете английского сломалась на второй день работы. Да и сейчас взять компьютер негде. В больнице есть, конечно, но очень старый, можно сказать замшелый, и без выхода в Интернет. Дома у Марины Николаевны, конечно, тоже нет компьютера. И у доктора Потапова – определено!

А вот у Сан Саныча он мог быть. Даже наверняка. Как бы это у него половчей попроситься потыкать одним пальцем в клавиши и узнать, что такое Хельхейм?..

– Хельхейм? – вдруг услышала она удивленный голос Марины Николаевны. – А почему тебя это интересует?

Вот это да – Валюшка что, нечаянно проговорила?!

– Ну, просто слышала такое слово, – пробормотала она неловко. – Красивое слово.

– Красивое, но зловещее, – покачала головой Марина Николаевна. – Германцы и скандинавы называли этим словом ледяной мир мертвых.

– Мир мертвых... – замороженно повторила Валюшка и словно бы опять увидела оклизлые черные корни, которые точно змеи обвилились вокруг трупов людей и животных. – А вы откуда это знаете?

– У меня книжка есть про мифологию разных стран, – сказала Марина Николаевна, – очень старая. Я ее когда-то любила читать. Давно, еще до Светочкиного рождения. Потом, когда она подросла, пыталась и дочку этой книжкой заинтересовать, но Светочка ее почему-то терпеть не могла. Даже в руки брать не хотела. Ну я и запрятала ее куда подальше.

– Можно найти? – нетерпеливо спросила Валюшка. – Пожалуйста!

– Конечно, поищу, – кивнула Марина Николаевна, поднимаясь с дивана и забирая альбом с фотографиями. – А теперь я пойду, ладно? И замерзла очень, и переволновалась...

Валюшке стало стыдно. Ну подтвердила она свои подозрения – и что теперь с ними делать?! А Марина Николаевна чуть не плачет от страшных воспоминаний.

До чего ее жалко, бедную! Надо ее как-то отвлечь.

– Марина Николаевна, а вы не помните, в том мифологическом словаре что-нибудь про айсбайлей было написано? – спросила Валюшка. – Про них был какой-нибудь миф?

Марина Николаевна изумленно на нее уставилась:

– Даже не слышала никогда такого слова. А кто это такие – айсбайли?

– Не кто, а что, – сказал Михаил Иванович, доктор Потапов, входя в комнату. И продолжил: – «Айсбайль» – по-немецки «ледоруб». Топорик альпиниста. Откуда ты знаешь это слово, Валюшка?

– Так, слышала где-то, а что значит – не помню, – быстро соврала Валюшка, вспоминая сверкающий топорик, который крушил мертвые тела в Хельхейме. – Но слово очень красивое, правда? Думала, может, это чье-нибудь имя... ну, какого-нибудь фантастического героя.

– Нет, это всего лишь название ледоруба, – повторил Михаил Иванович. – Однако с одним айсбайлем и в самом деле была связана совершенно фантастическая история. И я был ее участником.

– Расскажите, пожалуйста, – попросила Валюшка.

Михаил Иванович смотрел с сомнением:

– Страшная она. Может, не стоит – на ночь-то глядя?

– Конечно не стоит, – согласилась Марина Николаевна, но Валюшка смотрела так умоляюще, что Марина Николаевна сжалилась, разрешила доктору рассказать историю про ледоруб и даже снова села на диван.

Тоже решила послушать.

– Случилось это в конце 90-х, – начал Михаил Иванович. – Я тогда работал на севере Дальнего Востока, на большой стройке. Там имелся медпункт, где я был врачом. К слову сказать, часто приходилось иметь дело с обморожениями – там и опыт свой приобрел.

Работал там один молодой шофер по имени Саша Погодин. Худющий, улыбочивый, синеглазый! Приехал на стройку откуда-то с Алтая, но называл меня земляком, потому что жена его была родом с Нижегородчины – жаль, позабыл я за давностью лет откуда именно. Жена его была беременна, и Саша часто гадал, кто у него родится, сын или дочь. Все деньги он отправлял жене и матери. Саша в юности увлекался альпинизмом, и с тех пор у него

сохранился топорик-ледоруб – айсбайль. Саша всегда брал его с собой в рейс, ведь на зимнике⁴ всякое может случиться.

В те годы зарплату на банковские карты еще не переводили, нам выдавали наличные. И вот однажды, после очередной полочки, Саша отправился в рейс. Деньги он взял с собой, чтобы по пути заехать в райцентр, на почту, и, как всегда, отправить перевод семье. Сумма вышла на сей раз немалая: выдали нам еще и премиальные. Уехал Саша – и не вернулся...

Потом нашли его грузовик, врезавшийся в дерево. На сиденье и рулевом колесе следы крови. А самого Сашу так и не нашли.

– Не нашли! – тоскливым эхом отозвалась Марина Николаевна.

Валюшка сразу поняла, о ком она подумала...

– От машины вели следы Сашиных валенок, – продолжал Михаил Иванович. – Однако ни капли крови вокруг, и следы были какие-то подозрительно твердые, уверенные. Так не мог идти раненый. Милицию, конечно, вызвали, и следователь сделал тот же вывод, к которому мы и сами пришли: Саша не был ранен при аварии – его убили. Видимо, кого-то он подвозил, ну, тот увидел у него деньги и польстился на них. Потом этот человек надел Сашины валенки, взвалил труп на спину и затащил в лес, да там и бросил, засыпав снегом и завалив лапником.

– Пойдите-ка, – сказала Валюшка, – но вы только что сказали, что труп не нашли. Откуда же вы знаете, что убийца бросил его в лесу?

– Мы не нашли труп, – кивнул доктор. – Но мы нашли место, где он лежал. Оттуда вели две цепочки следов: одни, по-прежнему в Сашиных валенках, возвращались к зимнику и там терялись. А вторые... следы окровавленных босых ног направлялись в глубину леса, потом... потом тоже терялись.

– Как это? – удивилась Валюшка.

– Да вот так! – развел руками Михаил Иванович. – Посреди заснеженной поляны следы вдруг исчезали. Как будто убитый подпрыгнул – и улетел.

– Ничего не понимаю... – пробормотала Валюшка.

– Было тут еще кое-что странное, – добавил доктор. – Судя по всему, неизвестный убил Сашу Погодина его же ледорубом, им же нарубил лапника, чтобы завалить тело, а потом отбросил айсбайль в снег. Остался отпечаток в снегу, где топорик лежал. Но самого его не было.

– Убийца забрал? – предположила Валюшка.

– Нет, – ответил Михаил Иванович. – Следы босых ног вели сначала к этому месту, а потом уже уходили в лес. Убитый Саша взял свой айсбайль с собой.

– Почему убитый-то? Может, раненый он просто был? Может, в живых остался? – с надеждой спросила Марина Николаевна, и Валюшка снова поняла, о ком она подумала в это мгновение.

– Нет, – покачал головой доктор. – Он погиб. Но послушайте, что было дальше. На другой день из рейса вернулся один наш водитель – вернулся, как говорится, ни жив ни мертв. И сказал, что видел на дороге босого и окровавленного Сашу Погодина с айсбайлем в руке. Тот проголосовал, и водитель этот, обрадованный, что товарищ нашелся, остановился, открыл дверь и радостно закричал: «Сашка, куда ты запропал? Мы уж думали...» Однако у него дар речи пропал, когда он увидел, что лицо у Саши совершенно белое, а глаза горят пронзительным синим светом. Взглянув на него, Саша покачал головой – и исчез.

Конечно, в это мало кто поверил. Решили, что примерещилось человеку. Однако завтра история повторилась уже с другим водителем. Тот, однако, перепугался и не остановил

⁴ Зимник – дорога в заснеженной тайге, утоптанная людьми или укатанная колесами машин. Двигаться по ней можно только в холод, при минусовой температуре.

машину. Тогда Саша неведомым образом оказался на капоте, прижался мертвым лицом к ветровому стеклу, взглянул на водителя, потом покачал головой – и пропал.

– Он искал! – воскликнула Валюшка. – Он искал того, кто его убил!

– Совершенно верно, – кивнул доктор Потапов. – Мы тоже так подумали...

– И нашел? – с замиранием сердца спросила Валюшка.

– Да этот гад сам себя нашел, – спокойно ответил Михаил Иванович. – На другое утро ко мне в медпункт пришел один шофер – фамилия его была Литвиненко – и сказал, что нечаянно поранил ножом руку, и просит дать ему больничный, чтобы в рейс не идти. Я, как только взглянул на рану, сразу понял, что нечаянно так не порежешься. Но ничего ему не сказал, сделал перевязку, а потом взял свой «уазик» и поехал по трассе. Но мне никто не встретился – конечно, Саша ведь и так знал, кто ездит на этом «уазике», и знал, что я в его смерти не повинен! Наконец я нарочно остановился там, где его видели раньше, вышел, подождал...

– Господи, да неужто вам не было страшно?! – выдохнула Марина Николаевна.

– Мне было очень страшно, – тихо сказал Михаил Иванович. – Но я должен был все узнать. И поэтому я крикнул, глядя в лес: «Саша! Саша Погодин! Тебя убил Литвиненко?» Только дальше эхо мне отозвалось... Но когда я, не дождавшись ответа, повернулся к машине, то чуть не упал: на меня невероятно синими глазами смотрел Саша! Мертвый, белый, оледенелый... в окоченевшей руке он сжимал свой ледоруб. Саша кивнул, словно подтверждая мою догадку, – и исчез. Был – и вот уже нет его! Я еле очухался от потрясения, поехал к следователю и...

– Вы ему все рассказали? И он поверил? – перебила Валюшка.

– Ну как я мог ему такое рассказать, ты сама посуди? – пожал плечами Михаил Иванович. – Я просто сообщил, что у меня есть основания подозревать этого Литвиненко и поэтому прошу проверить в сберкассе: вносил ли он в тот день деньги на счет и какую сумму. А надо сказать, что Литвиненко семьи не имел и все деньги отвозил в сберкассу. Следователь ответил, что такую проверку он уже сделал, причем не потому, что кого-то конкретно подозревал, а просто на всякий случай. И выяснил, что именно Литвиненко положил на свой счет сумму ровно в два раза больше той, которую ему выдали в нашей бухгалтерии. Это, конечно, не могло не навести на подозрения. Следователь отправился со мной на стройку и попытался припереть Литвиненко к стене. Но тот запирался, отпирался, ни в чем признаваться не желал. Следователь, впрочем, решил его отвезти в район, в милицию, и там допросить по всей форме. И вот посадили мы Литвиненко в мой «уазик» и помчались по зимнику снова...

– И вы встретили его! – перебила, не утерпев, Валюшка. – Встретили!

– Да. Призрак встал у нас на пути, и синие глаза его сияли торжеством. «Дави его, а то он меня убьет!» – заорал Литвиненко – и это было, можно сказать, чистосердечное признание в содеянном. Но от меня уже ничего не зависело. Саша приник к окну и улыбнулся такой жуткой улыбкой, что мы все трое закричали от ужаса. Потом задняя дверца распахнулась, призрак зацепил Литвиненко айсбайлем, выволок на дорогу – и они вдвоем исчезли.

Труп Литвиненко потом нашли в лесу – на том самом месте, где он бросил в сугробе тело Саши. Голова у него была проломлена айсбайлем...

Доктор Потапов умолк.

– Какая жуткая и страшная история, – пробормотала Марина Николаевна. – Неужели такое возможно? Вы не обижайтесь, Михаил Иванович, но... но в это как-то не очень верится.

– Я не обижаюсь, – усмехнулся доктор. – Если бы я всего этого сам не видел, тоже, наверное, не поверил бы.

– А я вам верю! – горячо сказала Валюшка. – Верю!

– Ну спасибо, – ласково ответил Михаил Иванович. – Ты не можешь не верить в фантастические истории, потому что твое воскресение и есть настоящая фантастика.

«Нет, потому что я видела нечто еще более фантастическое!» – чуть не ляпнула Валюшка, однако вовремя удержалась и спросила о другом:

– А потом этот призрак появлялся снова?

– Около нашей стройки его больше не видели. Однако среди шоферов-северян долго ходили слухи о босом окровавленном человеке с белым лицом и ледорубом в руках, который однажды разрубил дерево, упавшее на кабину и чуть не придавившее водителя. А потом этот же человек помог другому шоферу найти дорогу в пургу... Так что очень может быть, что на северных дорогах до сих пор иногда слышен стук айсбайля и сверкают синие глаза Саши Погодина.

– Погода! – раздался вдруг крик. – Погода!

Все так и подскочили!

В дверях стоял Лёничка и твердил, задыхаясь:

– Погода, погода...

– Что ты, Лёничка, миленький? – кинулась к нему Марина Николаевна. – Ну успокойся! Мы и не заметили, что ты здесь. Не надо было тебе такое слушать! Не волнуйся, Лёничка!

– Погода! – снова воскликнул тот. – Примечай погоду не по облакам, а по своим бокам! – И залился слезами.

Честно, Валюшка в жизни не видела, чтобы мальчишка, да уже большой, так рыдал! Неужели его настолько расстроил рассказ доктора Потапова? Какое же у него сердце доброе...

– Михаил Иванович, – попросила Марина Николаевна, – вы уж отведите, пожалуйста, Лёничку к Ефимычу, пусть там, в привычной обстановке, успокоится. Только никаких ужасов ему больше не рассказывайте, ладно?

– Да у меня только фамилия зверская – Потапов, а сам-то я добрейшая душа, – буркнул доктор и подтолкнул Лёничку в коридор: – Пошли, брат, пошли.

Тот послушно вышел, но вдруг вернулся, снова заглянул в комнату и, все еще всхлипывая, сказал, глядя на Валюшку:

– Если петух кричит неурочной порой, значит, он видит упыря и гонит его прочь.

– Ага, пациент скорее жив! – ухмыльнулся доктор Потапов и увел Лёничку.

* * *

– Я сегодня здесь ночевать останусь, – решительно сказала Марина Николаевна. – Тебе кошмары сниться будут, одной страшно!

– Да вы замерзнете! – ахнула Валюшка.

– Ничего, в кладовке еще осталось несколько одеял, укроюсь потеплей. И лягу одетая. Ну невозможно же ребенку одному спать после всего того, что мы тут с Михаилом Ивановичем понарасказывали!

– Да я ничего, – попыталась успокоить ее Валюшка. – Честное слово, я нормально! Мне не будут сниться кошмары, честное слово!

– Зато мне будут, – пробормотала Марина Николаевна, опустив голову. – Я сегодня никак не могу одна ночевать. Не к Ефимычу же в курятник мне проситься на постой, верно?

– Ой нет, лучше здесь оставайтесь! – засмеялась Валюшка, и больше они не спорили.

Вместе поужинали тем же вкуснейшим студнем, только Марина Николаевна, в отличие от Валюшки, мороженого не ела, а выпила очень горячего чая. Потом принесли из кладовки три одеяла для Марины Николаевны и притащили еще одну кровать из соседней палаты

(диван был весь продавленный, на нем сидеть еще туда-сюда, а лежать ужасно неудобно!), устроили постель. Потом посмотрели телевизор и легли спать.

– Не усну, наверное, – пробормотала Марина Николаевна, зарываясь под свои многослойные одеяла, однако уже через мгновение ее дыхание стало ровным, спокойным, глубоким.

Уснула!

А вот у Валюшки сна не было ни в одном глазу. Она лежала зажмурившись и думала обо всем, что на нее сегодня свалилось.

А свалилось слишком много! Сначала жуткие приключения на льду: эти дети,дохлый пес... потом рассказ Марины Николаевны, подтвердивший Валюшкины страшные догадки, потом история синеглазого призрака... Удивительно, что доктор почти в точности описал айсбайля, который вытащил Валюшку из Хельхейма. Впрочем, айсбайли все были одинаковые, она не отличила бы одного от другого. И впервые до Валюшки дошло, что этот синеглазый призрак ее спас! Он вернул ее душу, или жизненную силу, как это называл Гарм, в тело. И Валюшка смогла ожить...

Но отчего все другие айсбайли были так жестоки? Почему они превращали в ледяное крошево трупы несчастных людей и животных?

И при этом они явно были врагами Хель-Цинги и всего ее пугающего ледяного царства. Ледяного мира мертвых, ледяного ада...

Ах, если бы хоть что-нибудь понять! Жаль, что Валюшке так мало известно. Скорей бы завтра! Завтра Марина Николаевна принесет мифологический словарь, и Валюшка хоть что-то узнает о том мире, в котором побывала.

Вдруг тихий посвист – будто поземка пронеслась по льду – послышался Валюшке.

Прислушалась – шелест доносился со стороны окна. Подняла голову – и обнаружила, что оттуда исходит какое-то странное свечение...

Луна взошла, что ли? Нет, такое впечатление, будто за окном зажегся фонарь. Но ведь там нет и не было никакого фонаря!

Валюшка встала с кровати, осторожно, чтобы не потревожить Марину Николаевну, прокралась к окну – и замерла, не веря глазам.

Ей выбрали для жилья самую лучшую палату – со стеклопакетом, вставленным в окно. Окошко было чистое, прозрачное, оно не замерзло даже в самые зверские холода. Но сейчас Валюшка отчетливо видела, что по стеклу ползут белые искрящиеся побеги морозных растений, поднимаясь выше и выше и постепенно затягивая его целиком. И слышался какой-то странный стук... ну да, вспомнила Валюшка, это старый ясень постукивает в окно.

Нет, сейчас он не просто постукивает, а царапается, словно хочет проникнуть в комнату.

Нет, нет... Такого же не может быть... не может быть, чтобы ветки ясеня все же процарапали стекло, и... это, оказывается, не просто морозные узоры расплзлись по нему – это ясеньевые ветви оплели окно, искрясь серебристым инеем. И метелки семян тоже покрылись инеем и начали светиться и сверкать все ярче и ярче... как бенгальские огни!

Валюшка попятилась к стене.

Когда-то бенгальские огни восхищали ее, но после того, как она увидела их на ледяных стенах Хельхейма, они внушали только страх.

А при чем тут вообще ясень?!

Внезапно от двери повеяло холодом.

Валюшка изумленно заморгала. Да ведь ей в последнее время никогда не бывало холодно! Ей ведь чем холодней, тем лучше! Но сейчас озноб пробежал по спине, и она почувствовала, как стынют пальцы, как леденеют щеки.

Дверь начала медленно-медленно приоткрываться.

Валюшка отпрянула и скорчилась между диваном и письменным столом. Это оставался единственный темный угол комнаты, куда не попадало сияние бенгальских огней. И Валюшка увидела, как дверь распахнулась и в нее вошла какая-то женщина.

Валюшка не заорала только потому, что крик застрял у нее в горле будто ледяной ком.

Тело женщины было мертвенно-бледным, но его там и сям покрывали ужасные пятна застарелых синяков. Лицо было избито так, что глаза заплыли и не открывались. Рот казался расплюснутым черным пятном. Женщина была очень худая – кожа да кости – и совсем голая, однако через ее плечо оказалась перекинута белая простынка, которая странно колыхалась, когда женщина, распространяя вокруг себя странный, противный сладковатый запах, двигалась по комнате, неуклюже, но совершенно бесшумно переставляя свои словно бы заочеченные ноги.

Такой же запах, вспомнила Валюшка, ощущался в коридоре возле морга. Ефимыч сказал, что это формалином пахнет. Раствором таким, которым трупы обрабатывают...

«Да она же мертвая! – вдруг с ужасом догадалась Валюшка. – Да она же из морга пришла! Да это же... это же Пятнистая Молчунья!»

Она даже зажмурилась от страха, надеясь, что ужасное видение исчезнет, и, когда пол вдруг перестал подрагивать от тяжелых шагов жуткой гостьи, решила, что так и случилось.

Ничего подобного! Пятнистая Молчунья просто-напросто замерла посреди комнаты и медленно поводила головой туда-сюда, словно могла что-то увидеть, хотя глаза ее были плотно закрыты слипшимися смерзшимися веками.

«Господи, хоть бы Марина Николаевна не проснулась! – мысленно взмолилась Валюшка. – Она же умрет со страха! Но зачем приперлось сюда это чудовище?!»

И тут же она получила ответ на свой вопрос.

Пятнистая Молчунья шагнула к пустой Валюшкиной кровати и осторожно ощупала ее своими очеченными руками. А потом начала методически перебирать простыни, легкое покрывало, подушку...

«Она... ведь она меня ищет!» – дошло до Валюшки.

Однако до Пятнистой Молчуньи тоже кое-что дошло, а именно – что на кровати никого нет. Она немножко постояла, как бы в растерянности, и вдруг Валюшка услышала, что пошвист поземки повторился. Он по-прежнему исходил от окна, и Валюшка заметила, что покрытые изморозью ветки ясеня, проникшие в комнату, вытянулись все в одном направлении, как бы указывая на тот темный угол, где пряталась она.

На нее указывая!

Пятнистая Молчунья медленно развернулась в ту сторону, куда были направлены ветви, однако, пока она это делала, Валюшка успела юркнуть под стол.

У нее чуть не выскочило сердце, когда ужасные босые ноги с растопыренными пальцами промаршировали мимо, и, как только Пятнистая Молчунья прошла, Валюшка выкатилась из-под стола и прошмыгнула под свою кровать, заодно стянув покрывало так, чтобы и ее загоразживало, и смотреть не мешало.

Чудовище с тупым недоумением обшарило пустой угол и снова повернулось лицом к комнате.

Замороженные ветви ясеня немедленно указали на кровать Валюшки!

Пятнистая Молчунья шагнула было туда, но затопталась на месте. Казалось, еще немного – и она раздраженно пожмет плечами и исторгнет из себя что-то вроде «Я там уже смотрела!».

Однако она этого не сделала, а поводила руками по книжной полке, чуть не свалив стопку дисков.

Валюшка затаила дыхание от страха: если диски упадут, шум разбудит Марину Николаевну! Что с ней станет, с бедной, при виде ожившего трупа?!

И тут же Валюшке показалось, что у нее перестало биться сердце, потому что Пятнистая Молчунья, видимо, уже не надеясь на помощь ясеневых ветвей (которые, кстати сказать, вытянулись еще сильнее, очень стараясь указать ей место, где спряталась Валюшка!), перешла от стола к креслу, обшарила его, а потом... а потом она неминуемо должна была добраться и до кровати Марины Николаевны.

«Что делать? Что сделать что сделать что сделать?!?!»

Надо напасть на Молчунью сзади, шарахнуть ее по голове чем-нибудь тяжелым, сообразила Валюшка. Например, стулом. Лучше бы креслом, но кресло не поднять. Ничего, стул тоже тяжелый. Если повезет, можно оглушить чудище. Или даже убить. Хотя убить мертвеца довольно сложно, тем более каким-то стулом. Эх, сейчас бы сюда айсбайля с его сокрушительным ледорубом!

Но приходится рассчитывать только на себя... Все, больше медлить нельзя. Конечно, если Молчунья рухнет на пол, Марина Николаевна проснется от грохота, но лучше пусть она увидит лежащий труп, чем ходячий!

Валюшка выскользнула из-под кровати, схватила стул, занесла над головой – и ее будто кипятком обдало: где-то вдали громко прокричал петух!

И еще раз, и еще...

Пятнистая Молчунья пошатнулась. Тело ее вдруг стало расплываться, и перепуганной Валюшке показалось, что с трупа сползает кожа. Вот обнажился череп, однако под ним проступила не безглазая маска смерти, а женское лицо – с точеными чертами, очень светлыми глазами и снежно-белыми волосами: красивое, хоть и злобное.

Да это же фебер! Одна из девушек, которые сидели на веслах на корабле Хель... одна из сестер-лихорадок, которые везли Цингу!

Что все это значит? Что происходит? Валюшка жила тихо и спокойно, она стала забывать свои кошмарные видения и даже уверилась, что это был только сон. Почему вдруг именно сегодня – а какое число сегодня? 20 или 21 декабря, она не могла точно вспомнить... да какая разница?! – почему именно сейчас эти кошмары ожили и вернулись?!

Тем временем вокруг чудовища взвился метельный вихрь и на миг скрыл ее, а потом приник к окну. Лицо фебер исчезло. Теперь это снова была страшная, заплывшая синяками и кровоподтеками рожа Пятнистой Молчуньи. Затем тело ее накренилось к двери, а в следующий миг труп словно бы что-то с силой потянуло и выдернуло из комнаты.

Ясеневые ветки с посвистом втянулись за окно, и оно приобрело свой прежний вид. Однако за ним что-то еще продолжало светиться и мерцать, так что, когда внезапно проснувшаяся Марина Николаевна подняла голову, она отчетливо увидела Валюшку, которая замерла посреди комнаты с занесенным стулом.

– Господи боже! – испуганно воскликнула Марина Николаевна. – Что ты делаешь?!

Валюшка выронила стул.

– Мне приснилось... – пробормотала она. – Мне приснилось, что здесь кто-то ходит... что сюда забрались воры!

– Да что ты! – сонно засмеялась Марина Николаевна. – Что тут можно украсть? К тому же Ефимыч на ночь хорошо закрывает все двери – он же не только сторож морга, но и сторож больницы. – Она сладко зевнула. – А мне приснилось, что петух кричит. Представляешь? Хотя петух Ефимыча раньше полудня никогда не кричит, а сейчас глухая ночь. Значит, и правда это был сон.

Валюшка кивнула. А что она еще могла сделать?

– Тогда, может, попробуем снова уснуть? – предложила Марина Николаевна, сворачиваясь клубком под горой одеял. – А что это светится на улице? Хотя нет, ничего там не светится. Показалось! Тогда снова спокойной ночи?

– Спокойной ночи, – ответила Валюшка, глядя в темное, без следа морозных узоров стекло, за которым, как ни в чем не бывало, мотались под ветром ветви ясеня.

Или в самом деле не было ничего? Опять призрак? Кошмар?

А то, что случилось днем?..

Валюшка боялась закрыть глаза – боялась, что снова увидит избитое, отекающее лицо Пятнистой Молчуньи, из-под которого вдруг проступят жестокие черты фебер. Однако усталые веки отяжелели и сами собой сомкнулись.

«Нельзя спать!» – попыталась внушить себе Валюшка, но ничего из этих внушений не вышло. И наконец она рухнула в спасительный сон – без всяких видений и кошмаров.

* * *

Валюшка проснулась от звука чых-то осторожных шагов. Вскинулась испуганно, готовая снова схватить стул, чтобы шарахнуть по какому угодно чудищу, которое вдруг окажется в комнате, однако это была Марина Николаевна, с виноватым видом стоящая посреди комнаты.

– Разбудила тебя, прости, моя хорошая, – сказала она каким-то странно-хриплым голосом. – Доброе утро.

– Доброе, – пробормотала Валюшка, с опаской глядя в окно.

Ясень стоял смиренно, свесив ветки, как всегда в безветренную погоду.

– Ой, да ведь уже совсем светло! Сколько же времени? – спохватилась Валюшка.

– Почти десять, – ответила Марина Николаевна таким же странным голосом.

– А почему вы хрипите?

– Да знаешь, я, наверное, простудилась, – виновато вздохнула Марина Николаевна.

– Ну вот! – огорчилась Валюшка. – Не надо было вам здесь ночевать, я же говорила.

– Да, но... не хотелось тебя оставлять, – улыбнулась Марина Николаевна.

– Спасибо, – пробормотала Валюшка, совершенно точно зная, что, если бы не присутствие Марины Николаевны, которую ни за что нельзя было разбудить и которую надо было во что бы то ни стало защищать, она, Валюшка, спятила бы ночью от ужаса в этой комнате, как чуть не спятила днем на реке.

– Сейчас день, не страшно, так что я пойду домой, отлежусь, – продолжала Марина Николаевна. – Буду пить горячий чай с малиновым вареньем да аспирином – и все как рукой снимет.

– Но уж вы на работу сегодня не ходите! – строго сказала Валюшка.

– Конечно, ведь сегодня выходной, – кивнула Марина Николаевна. – Двадцать первое декабря, воскресенье. Так что вполне могу отлежаться. У меня дома очень тепло!

– Жаль, что я не смогу вам помочь, – вздохнула Валюшка. – Чаю согреть... ну и все такое.

– Жаль, – согласилась Марина Николаевна. – Тогда я пошла? А книжку принесу завтра, ну или в крайнем случае послезавтра, если вдруг не успею выздороветь к понедельнику.

Книжку! Мифологический словарь, где рассказано про Хель! Ждать еще день или даже два в полном непонимании того, что происходит?!

Ну нет!

– Марина Николаевна, – решительно сказала Валюшка, спуская ноги с кровати. – Я вас провожу и книжку сразу заберу, можно?

– Конечно, – ласково сказала та. – Только как же ты без завтрака?

– Да вот же самый лучший завтрак! – Валюшка выхватила из коробки серебряно блестящий слиток эскимо и в два счета сгрызла мороженое, одеваясь.

– Ой, – прохрипела Марина Николаевна, – у меня фолликулярная ангина начинается, когда я на тебя смотрю!

Они вышли в коридор. Кругом стояла тишина, но откуда-то доносились странные, слабо хрипящие звуки.

– Что это? – удивилась Марина Николаевна. – У кого-то еще ангина?

Валюшка пожалала плечами. Ей показалось, что эти звуки странным образом очень напоминали петушиное кукареканье. Если, конечно, бывают петухи, которые кукарекают, когда у них ангина! В смысле если вообще у петухов ангина бывает!

Когда миновали лестницу, ведущую в подвал, во владения, так сказать, Ефимыча, тот выглянул из дверей своей каморки и возмущенно спросил:

– Спали?

– А что такое? – удивилась его тону Марина Николаевна.

– Как – что?! – Ефимыч был явно потрясен. – Неужели не слышали петуха?

Валюшка вздрогнула.

– Я вроде что-то такое слышала, – нерешительно кивнула Марина Николаевна, – только думала, мне это снится. Чтобы твой, Ефимыч, петух вдруг среди ночи заорал – это же просто невероятно!

– Заорал и до сих пор орет! Слышите – охрип совсем, а все ж таки орет! – сердито заявил сторож. – Так вот, это все Лёничка натворил!

– Лёничка?! – изумилась Марина Николаевна. – Неужели это он ночью петухом закричал?

– Да нет, петухом закричал петух, – махнул рукой Ефимыч. – Но почему закричал, знаете?

«Потому что хотел спугнуть Пятнистую Молчунью», – чуть не брякнула Валюшка, но вовремя прикусила язык.

– Может, вдруг вспомнил, что он петух? – хихикнула Марина Николаевна, но Ефимыч глянул на нее пренебрежительно:

– С перепугу он закричал. С перепугу! И закричишь небось, когда такое творилось!

– Да что творилось-то? – рассердилась Марина Николаевна. – Говори быстрее, Ефимыч, а то у меня температура поднялась, мне скорей чаю с малиной надо выпить.

– А то, что Лёничка наш в курятник залез и всю птицу перепугал до сердечного припадка, а петуха – до неурочного крика, а потом такой разбой учинил в морге, что впору либо креститься, либо Сан Саныча вызывать!

– Лёничка птиц перепугал?! – воскликнула Марина Николаевна.

– Лёничка разбой в морге учинил?! – воскликнула Валюшка.

Потом Марина Николаевна осторожно спросила:

– Слушай, Ефимыч, а может, тебе это все показалось? Может, у тебя тоже температура поднялась и тебе тоже надо чаю с малиной попить?

– Нету у меня никакой температуры, – огрызнулся Ефимыч, – и я уже попил... хоть и не чаю. А кто на моем месте не выпил бы, если бы увидел, как Лёничка из курятника вылезает весь в перьях, дверь морга настезь, а на пороге лежит... Пятнистая Молчунья?!

– Это кто такая?! – в ужасе прошептала Марина Николаевна, и Ефимыч несколько смутился:

– Да это я одну из постоялиц моих так прозвал... ну, из этих, которые в морге залежались. Она спала и спала себе вечным сном на своей каталке под своей простышкой, вся насквозь проформалиненная. А тут вдруг, понимаешь, валяется на пороге! Ну вот объясните, как она могла там без посторонней помощи оказаться? – воскликнул Ефимыч. – Ведь трупы не ходят!

Валюшка могла бы, конечно, сказать ему, что на сей счет никогда нельзя быть ни в чем уверенным.

Могла бы... но не стала этого делать.

Промолчала.

– А где теперь Лёнечка? – растерянно спросила Марина Николаевна. – Может, поговорить с ним? Может, он что скажет?

– Да он уже сказал, – хмыкнул Ефимыч. – Знаете, что? «Гул в трубе – душа покойника пришла!» А потом спать лег.

– Господи, спаси и сохрани! – быстро перекрестилась Марина Николаевна. – Ну, пусть спит. И я все же не верю, что это Лёнечка такой ужас мог сотворить. Ладно, кур напугать, но чтобы сбросить с каталки эту... как ее...

– Пятнистую Молчунью, – подсказал Ефимыч.

– Вот-вот. Такой вандализм в морге учинить – нет, Лёнечка не мог, правда, Валюшка?

Та промычала что-то невразумительное.

– Может быть, – предложила Марина Николаевна, – доктору Потапову позвонить? Может, он в этой неразберихе разберется?

– Да я ему звонил, – с досадой сказал Ефимыч. – На сотовый. Но доктор сказал, что он и Сан Саныч вместе куда-то поехали. Только к вечеру вернутся.

– Ну к вечеру так к вечеру, – с трудом проговорила Марина Николаевна. – А мы пока что пойдем, Ефимыч. Меня знобит все сильнее. Валюшка меня проводит и скоро вернется.

Ефимыч что-то недовольно пробурчал и скрылся в своей каморке.

Валюшка чувствовала: Марине Николаевне хочется обсудить то, что они услышали от сторожа, и молчит она только потому, что говорить ей трудно. Но Валюшка радовалась этому, потому что в голове у нее царил полная неразбериха и никак не удавалось навести порядок в сумятице мыслей.

Погода стояла довольно противная: и сырая, и ветреная, и морозная. Как-то все в одну кучу собралось.

Дошли до дому, где жила Марина Николаевна.

– Зайдешь? – спросила она Валюшку.

– Нет, что вы, – усмехнулась та. – Я сварюсь.

– Ну тогда подожди меня здесь, я быстро, – сказала Марина Николаевна, входя в подъезд, и буквально через минуту вернулась, держа в руках небольшую книгу в потертой кожаной обложке с потускневшей надписью «Мифологический словарь». – Наслаждайся, – протянула она Валюшке книгу. – А я пошла к своему чаю.

– Выздоровливайте скорей, – сказала Валюшка, потом сделала осторожный чмок где-то около щеки Марины Николаевны и побежала к больнице, на ходу листая книжку.

Впрочем, скоро она приостановилась. Во-первых, читать на ходу мелкий шрифт было очень трудно. Во-вторых, хотелось не только читать, но и думать. А в больнице Ефимыч вряд ли даст ей такую возможность. Ему непременно захочется поговорить о том, что случилось ночью. Да еще и Лёнечка притащится... Конечно, с ним надо встретиться, обязательно надо, с этим Лёнечкой, к нему море вопросов накопилось, но сначала хотелось хоть в чем-то разобраться самой. Поэтому Валюшка свернула с дороги, ведущей в больницу, и вошла во двор еще одного такого же многоквартирного дома, как тот, в котором жила Марина Николаевна.

Здесь была устроена детская площадка. Посредине стояла деревянная горка с нарисованными по бокам какими-то мультяшными зверушками, побелевшими от изморози. Горку с наступлением морозов залили водой, и теперь она превратилась в ледянку.

Валюшка с удовольствием покаталась бы, но у нее имелись куда более важные дела.

Рядом с горкой из заваленной снегом песочницы торчал довольно уродливый снеговик. Вместо глаз ему воткнули черные угольки, вместо рук – растопыренные веточки, вместо

шляпы нахлобучили вылинявшее пластиковое ведро. Вместо носа торчала не морковка, а сучок.

Единственной приметой лета были качели, которые с легким скрипом покачивались под ветром. На эти качели Валюшка и уселась, раскрыла книгу и принялась ретиво перелистывать страницы.

«Ну вот, – подумала весело, – теперь не только Лёничка словари читает, я тоже!»

Честное слово, это оказалась просто бесценная книга! В ней Валюшка нашла ответы на множество вопросов. Беда только в том, что, чем больше ответов она находила, тем больше возникало вопросов, однако она продолжала упрямо читать словарные статьи.

Про Хельхейм в «Мифах народов мира» было написано следующее:

«Хельхейм (буквально переводится как «Владения Хель») – в германо-скандинавской мифологии так называется один из девяти миров, мир мертвых, ледяной ад, в котором властвует Хель. Это холодное, темное и туманное место. Воины, павшие в битве, отправляются в Вальхаллу, рай для героев, а в Хельхейм, как уверяет знаменитый поэт Снорри Стурлусон⁵, попадают те, на кого не смогли предъявить права их боги. Хельхейм окружен непроходимой рекой Гьёлль. Вход в ледяной ад охраняется Гармом, чудовищной собакой, и великаншей Модгуд».

– «Это холодное, темное и туманное место, куда попадают те, на кого не смогли предъявить права их боги», – как завороченная повторила Валюшка. – Загадочно... Что это значит – «На кого не смогли предъявить права их боги?».

Объяснить это Валюшке, к сожалению, было некому. Приходилось надеяться только на собственную сообразительность, но та пока явно тупила.

В ожидании, когда сообразительность обострится, Валюшка нашла в словаре описание Хель:

«Десятое число каждого месяца посвящено Хель, владычице ледяного ада. Она исполинского роста (даже выше большинства великанов). Одна половина ее тела черно-синяя, другая мертвенно-бледная, поэтому она иногда называется сине-белой Хель (по другим версиям, левая половина ее лица была красной, а правая – иссиня-черной). Выше пояса она выглядит как живая женщина, но ее бедра и ноги покрыты пятнами и разлагаются словно у трупа. Ей служат не только Гарм и Модгуд, но и великанша Скади, имя которой значит «разрушение». Среди прислужниц Хель также несколько фебер. В русских северных сказаниях Хель называют Цингой, а ее служанок – лихорадками⁶. Хель разъезжает на трехногой лошади».

Валюшка подумала: не иначе автор словаря лично встречал Хель, потому что описал ее довольно точно. Однако насчет лошади он ошибся: Хель разъезжала на трехногом быке по имени Тюрен, это Валюшка сама видела! Хотя, очень может быть, что у Хель была еще и трехногая лошадь, которая паслась на каких-нибудь адских пастбищах... с мертвой ледяной травой!

Потом, набравшись храбрости, Валюшка прочитала про Гарма:

«В германо-скандинавской мифологии так называется огромный четырехглазый пес, охранявший Хельхейм, мир мертвых. Вой Гарма будет одним из признаков начала Рагнарёка, то есть конца света. Считается, что Гарм привязан к скале в подземной пещере, покрытой кровью».

– Считается! – недовольно хмыкнула Валюшка. – И напрасно считается, между прочим! Ни к чему он не привязан, а бегаёт где ни попадя!

⁵ Снорри Стурлусон – исландский поэт и этнограф, автор множества произведений, посвященных северной мифологии. Про Хельхейм и его владычицу идет речь в «Видении гюльви» – это первая часть так называемой «Младшей Эдды», самого знаменитого произведения Стурлусона.

⁶ Feber – лихорадка (норвеж.).

К сожалению, статьи в словаре оказались очень короткие. Про айсбайлей Валюшка вообще ничего не нашла. На букву «А» упоминались еще альвы – волшебные существа, искусные кузнецы и музыканты. Оказывается, именно от их названия произошло слово «эльфы»! Светлым, то есть добрым, альвам противопоставлялись темные: гномы, тролли и цверги – тоже волшебники, но не слишком добрые!

«Может, айсбайли тоже были из числа альвов? – подумала Валюшка. – А может быть, и нет...»

Статьи про скандинавских богов и героев никаких важных сведений Валюшке не прибавили, кроме того, что Хель никого из своего мира в мир живых не отпускала, и даже верховному богу Одину не удалось уговорить ее вернуть ему прекрасного Бальдра, его любимого сына.

– Теперь понятно, – пробурчала Валюшка себе под нос, – почему они так беснуются, пытаюсь меня водворить обратно. Это как бы удар по их самолюбию, что ли, что меня айсбайль оттуда вытащил?

Она старательно смеялась, она храбрилась изо всех сил, но ей было очень даже не по себе. И стало еще хуже, когда, беспорядочно перелистывая страницы, Валюшка наткнулась на статью, которая называлась «Йоль».

«Йоль – ночь солнцестояния⁷, самая длинная ночь в году. Так же называется и праздник, который длится приблизительно с 20 по 31 декабря. Эти тринадцать ночей называют Йольгайд, или «Ночи духов», потому что в это время боги и богини спускаются на землю, тролли и альвы беседуют с людьми, а мертвые выходят из Нижних Миров. В «Ночи духов» Хель пожинает особенно много жертв».

«Так вот почему именно вчера, 20 декабря, эти мертвецы активизировались! – догадалась Валюшка. – Причем не только ночью, но и днем. Они получили, так сказать, свободный доступ в мир живых! И решили добраться до беглянки... то есть до меня...»

– Но зачем я им нужна? Почему они ко мне привязались? – в ужасе воскликнула Валюшка, поднимая голову от книги и озираясь, словно ждала от кого-то ответа.

Однако вокруг царила тишина.

И вдруг Валюшка вспомнила... вспомнила одну пугающую фразу из словаря! Поспешно перелистала страницы и снова вернулась к статье про Хель.

Вот... Как же она сразу не обратила внимания на это?!

«Десятое число каждого месяца посвящено Хель, владычице ледяного ада».

Десятое число! И Валюшка словно бы услышала голос Марины Николаевны: «Я этот день – десятое января – навсегда запомнила...»

Конечно запомнила! Ведь 10 января много лет назад пропала Света!

Сама Валюшка приехала в Городишко 10 декабря – и в этот же день ее погребла снежная лавина, рухнувшая на нее с крыши. И она замерзла, почти умерла... Гарм поторопился выдернуть из тела ее жизненную силу, чтобы Валюшка попала в число жертв Хель!

Наверняка все, кого Валюшка видела в Хельхейме, все эти несчастные, обвитые корнями какого-то дерева, тоже пропали, погибли, замерзли или утонули в ледяной воде именно десятого числа! И сделались жертвами Хель...

Внезапно Валюшке стала понятна странная фраза насчет того, что в Хельхейм попадают все, на кого не смогли предъявить права их боги. Это значит, что там остаются люди, умершие некрещеными!

Марина Николаевна сказала, что ее дочка не была окрещена. Валюшка – тоже. И, наверное, те бедные ребятишки, которые утонули в проруби, – тоже. И все остальные, кого Валюшка видела в обиталище Хель. Эти несчастные не были крещены, а потому их не

⁷ Дата солнцестояния незначительно смещается каждый год.

отпели, не похоронили по обряду, да и вообще тел их не нашли, как тела Светы, – и они попали в ледяной ад.

И остались там навсегда...

И Валюшку ждала бы такая участь, однако ее спас айсбайль, и поэтому обитатели Хельхейма никак не могут успокоиться. Они не могут допустить, чтобы жертва, предназначенная их госпоже, ускользнула!

Валюшка сидела неподвижно, потрясенная своей догадкой, и вдруг ощутила, что ноги у нее онемели.

Посмотрела вниз – да так и ахнула. Поземка посвистывала, обвиваясь вокруг кроссовок, поднимаясь все выше, и леденящий холод сковывал ноги все более властно.

Точно так же было ночью, перед тем, как появилась Пятнистая Молчунья!

Валюшка в панике вскочила, чтобы бежать, и обнаружила, что ноги и впрямь словно были скованы ледяными кандалами, да так, что с места не сойти, а все вокруг заволокло блеклой морозной мглой. Чудилось, эта мгла состоит из мириад микроскопических льдинок, которые кололи лицо и выбивали из глаз слезы.

И вдруг из этой мглы донеслись торопливые шаги. Кто-то бежал к Валюшке.

Кто? Друг или враг?!

В это мгновение из студеного тумана выскочил Лёнечка, взглянул на Валюшку и крикнул:

– Через левое плечо не оглядывайся, не то увидишь черта, который там таится, следит за человеком и подталкивает его на неблагие дела!

Валюшка, несмотря на свои «температурные аномалии» и необычайные приключения, была самой обыкновенной девчонкой. То есть если ей сказали чего-то не делать, можно было не сомневаться: она это сделает всенепременно! К примеру, Лёнечка велел не оглядываться через левое плечо – а Валюшка, конечно же, оглянулась.

Оглянулась – и колени у нее подогнулись...

За ее спиной взвился вихрь, ударился оземь – и рассыпался какими-то белыми фигурами. Несколько томительно долгих, пугающих мгновений они меняли очертания, а еще через миг Валюшка оказалась в окружении стаи белых птиц, которые накинулись на нее, наострив ледяные клювы.

А за их бешеным мельтешением угадывались очертания огромного белого быка.

Валюшка дико взвизгнула и замахнулась было книжкой, однако в это мгновение подскочил Лёнечка, схватил ее за руку и забросил себе за спину, а сам ударил белого быка какой-то короткой тонкой палкой.

Бык разлетелся ледяным крошевом, а Лёнечка продолжал отмахиваться своей палкой от налетавшей на него стаи снежных птиц, да так ретиво, что птицы одна за другой тоже рассыпались мелкими льдинками.

– Во сне видеть, что бегаешь, – знак счастливого предзнаменования! – выкрикнул Лёнечка, и Валюшка, почувствовав, что ноги наконец обрели силу, кинулась наутек, а сзади раздавался такой шум и грохот, словно там кто-то разбивал вдребезги стеклянные витрины.

Валюшка проскочила несколько метров, поскользнулась, чуть не упала и с трудом выпрямилась, сопротивляясь ветру, который мешал идти и подталкивал обратно, к скамейке, где Лёнечка продолжал сражаться с ледяными птицами.

Вдруг что-то кольнуло в спину.

Валюшка резко обернулась и завопила так, что мигом сорвала голос. Теперь она только беспомощно хрипела, с ужасом глядя в подступившего к ней снеговика.

Это он коснулся ее руками-ветками!

Снеговик обратил к ней белое, подернутое ледком комковатое жуткое лицо. Распялился в жуткой ухмылке провал беззубого рта, а черные глаза-угольки зажглись красно-оранжевым светом.

Глаза Хель! Глаза Гарма!

Глаза смерти...

Валюшка почувствовала, что у нее оледенели пальцы. Она даже не заметила, как снеговик дотянулся до них своими руками-ветками, которые были покрыты изморозью, в точности как белые щупальца ясеня, которые вчера оплетали окно и пробирались в комнату. А сейчас они вцепились в руки Валюшки, постепенно подтягивая ее к снеговика!

Но внезапно он был превращен в снежную кашу сильнейшим ударом, который нанес ему своей палкой очень вовремя подскочивший Лёничка!

Из бесформенной кучи торчали жалкие и совсем не страшные растопыренные веточки. Оранжевые глаза Хель какое-то мгновение еще мерцали в снегу, потом погасли. Теперь это снова были тусклые, слепые, черные угольки.

Ветер внезапно утих, снежные вихри улеглись, сквозь туман проглянуло скупое зимнее солнце, которое показалось ослепительным.

Волосы Лёнички в его лучах вдруг засверкали, заискрились, и Валюшка не сразу поняла, что они усыпаны ледяным крошевом, поэтому и блестят.

Лёничка спрятал палку под свою меховую безрукавку, потом схватил Валюшку за руку и побежал, неуклюже загребая снег своими грубо подшитыми валенками и таща ее за собой.

Валюшку бросало то в жар, то в холод, она задыхалась, в боку кололо, однако Лёничка не отпускал ее руку до тех пор, пока они не вбежали в дверь больницы.

Тут он разжал пальцы и повернулся, чтобы уйти в подвал к Ефимычу.

– Подожди! – вскрикнула Валюшка. – Мне нужно с тобой поговорить!

Лёничка махнул длинным рукавом своего свитера, как бы призывая к молчанию, и прислушался.

Было тихо. Тихо и спокойно. Однако Лёничку явно что-то тревожило.

– Петух не кричит и головой трясет – к беде в доме! – пробормотал он угрюмо, локтем прижимая к себе палку, спрятанную под безрукавкой.

И правда! Хриплого кукареканья не было слышно. Наверное, петух окончательно сорвал голос.

– К беде, опять к беде! – истерично вскрикнула Валюшка, у которой вдруг кончились все силы. – Да почему столько бед на меня навалилось?!

– Одна беда не ходит, – ответил Лёничка. – Пришла беда – отворяй ворота. У того беда на носу висит, кто не читит примет и не слушает старых людей.

– Перестань! – взмолилась Валюшка. – Надоели твои загадки! Скажи хоть одно нормальное слово! Я ведь чувствую, что ты не зря эту пургу несешь, что ты меня предупреждаешь... ты меня все время о чем-то предупреждаешь! Я это не сразу заметила – только вчера, когда собиралась на берег погулять. Ты сказал, что метельные вихри переносят нечистую силу, а видеть во сне прорубь – это к опасности. И меня в самом деле чуть не загнала в прорубь нечистая сила – собака, черная мертвая собака! Ты ее видел, ты это сам подтвердил, когда сказал, что черная собака снится к несчастью. В самом деле, сплошные несчастья на меня посыпались! А еще ты вчера сказал про детей, которые умирают некрещеными... Откуда ты знал, что я видела двух мертвых, утонувших в проруби детей?!

Лёничка взглянул на нее исподлобья, лицо его исказилось болью. Шагнул было прочь, однако Валюшка успела поймать его за руку.

– Подожди ты! – крикнула в сердцах. – Постой! А вчера вечером ты что сказал, помнишь? Ты сказал, что, если петух кричит не вовремя, значит, он гонит упыря! То есть ожившего мертвеца! Думаешь, я не понимаю, что ты снова меня предупредил?! Ты намекнул, что

Пятнистая Молчунья ко мне притащится, что они, эти, из ледяного ада, постараются ко мне подобраться! Но на нашего петуха надежды было мало, поэтому ты нарочно залез в курятник и его перепугал. Да так, что он потом все утро кукарекал! Он не только эту нечисть разогнал, но и дал нам всем спокойно поспать, избавил от новых нападений. А теперь, видимо, он совсем охрип, вот ты и забеспокоился, опять беду начал пророчить. Да, я совсем забыла, ты же там, на детской площадке, крикнул про черта за левым плечом, ты меня еще и сегодня спас... Почему ты оказался вчера на берегу, а сегодня – в том дворе? Наверное, если бы вчера Сан Саныч не подоспел, ты бы сам кинулся меня спасать? Да? Да, Лёничка? Откуда ты про все знаешь? А сколько все это будет продолжаться, тебе известно? Отстанут они от меня, эти чудища? Или так и будут в гости ко мне приходить, пока в могилу не сведут или обратно в ледяной ад не утащат?

Лёничка зыркнул на нее исподлобья:

– В гости ходить – надо и к себе водить.

У Валюшки даже в горле пересохло при этих словах!

– Что? Ты знаешь, что я там была?! Что я была в Хельхейме? Откуда ты знаешь?!

Лёничка только плечами пожал:

– Много будешь знать – скоро состаришься.

– Ладно, не хочешь рассказывать – не надо, – покорно кивнула Валюшка. – Но ты говоришь – надо и к себе водить... То есть получается, они теперь от меня не отвяжутся, так, что ли?

– Зови гостей поглотать костей! – изрек Лёничка.

– Ага, трижды было уже совсем недалеко от этого, – буркнула Валюшка. – Они чуть не поглотали моих костей!

– Умел в гости звать, умеи и встречать! – перебил Лёничка. – На званого гостя угодить надо.

– Погоди, погоди, ты на что намекаешь? – насторожилась Валюшка. – Мало того что они сами за мной таскаются, я их еще и зазывать должна?!

– У себя как хочешь, а в гостях как велят, – кивнул Лёничка.

Валюшка уставилась в его голубые глаза, которые сейчас почему-то перестали слезиться и смотрели очень настойчиво, и вдруг ее осенило.

– Слушай, слушай, – забормотала она, не веря своей догадке, – ты хочешь сказать, мы их зазовем, чтобы... как это говорят... принять их на своей территории? Навязать им свои условия игры? Чтобы... чтобы прикончить?! Победить их?!

– Гостю почет – хозяину честь, – ухмыльнулся Лёничка.

– Но разве мы сможем с ними со всеми справиться? – недоверчиво спросила Валюшка.

– Рать числом сильна, – настойчиво глядя на нее, сказал Лёничка, – а один в поле не воин.

– Один? Мы должны позвать не всех, а кого-то одного? – пыталась понять Валюшка.

Лёничка кивнул.

– Но кого? Кого? – вскричала она.

– На Груманте, – таинственно проговорил Лёничка, – на острове, зовомом иначе Шпицбергенном, в каменных пещерах живет вместе с Цингой и сестрами-лихорадками Грумантский пес.

– Кто-кто?! – вытаращила глаза Валюшка.

– Он поднимает ветер, – продолжал Лёничка как по писаному, – ломает снасти, губит суда, а выплывших людей уносит на свой пустынный утес, где все во льду, где нет ни деревца, ни кустика, ни листика, ни сучка. Охотник, желающий пса этого поймать и заста-

вить себе служить, отправляется в безлуние⁸, во время смены месяца, в зачатое смертью место, и очерчивает круг ножом, оставаясь в середине этого круга. Вскоре ему слышится громкий собачий лай, никому иному не слышимый. Спустя некоторое время, в самую глухую пору, вбегает огромный, страшный, черный пес, никому более не видимый, который исполнит все желания заклявшего его человека...

– Страшный, черный пес, никому более не видимый... Живет вместе с Цингой и сестрами-лихорадками... – тихо повторила Валюшка и наконец догадалась: – Это... Гарм?

Лёничка кивнул и наклонился к ней. Глаза его радостно сверкнули:

– Во время безлуния месяц освещает загробный мир. И насельники его приходят к тем, кто умеет позвать их.

– Да ты... я и забыла, что ты чокнутый! – зло воскликнула Валюшка. – Ты хочешь, чтобы я вызвала Гарма? И никто, кроме меня, его не увидит и не услышит?! Ты хочешь, чтобы я сама, добровольно, дала им меня уволочь в Хельхейм?! В ледяной ад? И мне никто не поможет?!

Она оттолкнула Лёничку так сильно, что он чуть не упал. Взмахнул руками, чтобы удержаться на ногах, – и тут из-под его меховой безрукавки выпало то, что он так старательно придерживал локтем.

Это был маленький топорик на длинной ручке.

Топорик альпиниста.

Ледоруб.

Айсбайль!

* * *

– Откуда это у тебя? – спросила Валюшка дрогнувшим голосом, однако Лёничка ничего не ответил, а просто взял ее за руку и потянул к зеркалу – тому самому старому коридорному зеркалу, мимо которого он всегда бежал, отворачиваясь, жмурясь и приговаривая: «Нет ничего страшнее для людей, чем смотреть в треснувшее зеркало, ибо можно черта увидеть!»

Теперь же он не отрываясь смотрел на свое и Валюшкино отражение.

Валюшка тоже посмотрела – и очень удивилась.

Почему ей казалось раньше, что это старое треснувшее зеркало искажает изображение? Совсем наоборот – делает его более отчетливым! А цвета какие в нем яркие, просто удивительно. Например, голубые глаза Лёнички кажутся синими, удивительно синими, пронзительно-синими... А какое бледное, ну просто снежно-белое у него лицо! И выглядит он гораздо старше, и одет теперь как-то странно: в какие-то оледенелые рубашку и брюки, покрытые красноватыми пятнами, а главное... он босой! Он стоит босиком, и ноги его тоже окровавлены...

Лёничка? Нет, это кто-то другой...

И в следующий миг Валюшка поняла, кого видит перед собой!

⁸ Безлуние – то же, что новолуние.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.